

ME
B-48.

МЕ
5.48

Э. Н. Берендтсъ.

Къ финляндскому вопросу.

СТАТЬИ ПО ПОВОДУ
РѢЧИ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

П. Н. Милюкова

13 мая 1908 года при разсмотрѣніи запросовъ по
Финляндскому управленію.

(Газета «Россія», 1908 г., №№ 761, 762, 763, 764,
766, 769, 795, 799 и 800).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

*Всероссийский
См 2 / 364*

Э. Н. Берендтсъ.

М

*Е
548*

Къ Финляндекому вопросу.

134304

СТАТЬИ ПО ПОВОДУ
РЪЧИ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

*М
678*

П. Н. Милюкова

13 мая 1908 года при разсмотрѣніи запросовъ по
Финляндекому управленію.

*Библиотечная
См 2 / 364*

(Газета «Россія», 1908 г., №№ 761, 762, 763, 764,
766, 769, 795, 799 и 800).

*Библиотечная
См 2 / 364*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

512/3

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предъид. выдач.....

(Лазарь «Россиа», 1908 г., № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100)

1908 г. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100

С. ПЕТЕРБУРГ.
Государственная Типография
1910.

Финляндія и г. Милюковъ.

I.

Въ засѣданіи Государственной Думы, 13 мая, Финляндіи оказаны двѣ медвѣжки услуги: г-ми Гегечкори и Милюковымъ.

Что г. Гегечкори своей рѣчью принесъ Финляндіи не пользу, а вредъ, это было понято сейчасъ же. На долю же г. Милюкова выпали пока лишь похвальные пѣсноушья. Всѣ неразборчивые друзья Финляндіи въ восторгѣ отъ нея. Какое стойкое проведеніе принципа права, какая обоснованность историческихъ и юридическихъ положеній! Да, на первый взглядъ эта рѣчь—солидная, продуманная, для финляндецевъ и для рѣшенія финляндской проблемы въ духѣ, соответствующемъ притязаніямъ крайнихъ финнофиловъ—благопріятная рѣчь. Но иначе обстоитъ дѣло, иное получается впечатлѣніе, если, забывъ убѣдительность тона оратора, вчитаешься въ стенограмму рѣчи, если вдуматься въ тѣ слова, которыя такъ изящно звучали и которыя оказываются только словами, только идеями, которымъ противорѣчатъ реальные факты исторіи именно тѣхъ странъ и той окраины, на которыя ссылался и которыя защищалъ глава партіи народной свободы.

«Сфера государства есть сфера права». Это хорошо сказано, ибо мы, по крайней мѣрѣ, понимаемъ подъ словомъ право въ данномъ случаѣ нормы права положительнаго и рѣзко отличаемъ его отъ права захватнаго, которымъ въ 1905 году пользовались какъ «товарищи» г. Гегечкори, такъ и единомышленники г. Милюкова въ политической и въ академической жизни.

Но оратору, объявившему этотъ принципъ, не слѣдовало бы забывать, что тѣ старинные, основные законы, на которые ссылаются финляндцы и вслѣдъ за ними онъ самъ, какъ на незыблемыя нормы права, что Форма Правленія 1772 года и Актъ Соеди-

ненія и Безопасности 1789 года суть результаты двухъ государственныхъ переворотовъ, совершенныхъ Густавомъ III, что они навязаны были шведскому народу (а въ то время и финляндцы входили въ его составъ) штыками гвардіи Густава и дубинами тогдашней шведской черной сотни, далекарлійскихъ крестьянъ.

Проф. Милуковъ, который, какъ намъ хорошо извѣстно, въ былое время много изучалъ шведскую исторію, очевидно забылъ ее, забылъ, что именно въ Финляндіи сперва шли подготовки къ перевороту 1772 года, а затѣмъ была сдѣлана попытка отомстить королю именно за этотъ переворотъ. Развѣ профессоръ забылъ, что Аньялитами проводилась мысль о томъ, чтобы путемъ новаго переворота принудить короля къ восстановленію конституціи 1720 года? Развѣ онъ забылъ, что побѣда надъ Аньялитами привела къ акту 1789 года? Развѣ ему неизвѣстно, что члены финляндскаго дворянства не пожелали прибыть на риксдагъ 1800 года, чтобы своимъ присутствіемъ не дать повода предполагать, что они признаютъ актъ 1789 года конституціоннымъ закономъ? Извѣстно ли ему, что въ Финляндіи по этому поводу ожидались волненія и что Императоръ Павелъ I предложилъ королю Густаву IV военную помощь для усмиренія волненій? Если онъ этихъ фактовъ исторіи Швеціи не знаетъ, тогда его познанія въ этой области весьма поверхностны.

Мы признаемъ, что эти акты были результатомъ государственной необходимости, что Густавъ III долженъ былъ такъ поступить, какъ онъ поступилъ, ради спасенія Швеціи. Но ссылаться на нихъ, какъ на доказательства незыблемости права въ Швеціи ея бывшей составной части, Финляндіи, нельзя. Гдѣ то идеальное государство, про которое можно было бы сказать, что оно даже въ минуту опасности, когда ему грозила гибель, ставило и могло ставить нормы писаннаго права выше той жизненной нормы, которая предписываетъ ему охранять себя, какъ источникъ и творца всякаго права? Добродѣтель безусловнаго подчиненія повелѣніямъ закона даже въ такихъ случаяхъ, когда нужно выбирать между смертью государства подъ господствомъ стараго закона и между жизнью на новыхъ правовыхъ началахъ, — есть добродѣтель великая, но это скорѣе добродѣтель монаха, нежели добродѣтель государственнаго человѣка. И на сеймъ въ Борго нельзя ссылаться въ защиту незыблемости и преемственности правового развитія въ Финляндіи. Мы не называемъ сейма въ Борго «сборищемъ государ-

ственных преступников», но мы не можем отрицать, что съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго въ то время въ Финляндіи положительнаго публичнаго права сеймъ этотъ не былъ законнымъ сеймомъ. Александръ I мудро поступилъ, когда онъ, въ моментъ кризиса въ военныхъ дѣйствіяхъ, старался привязать къ себѣ финляндцевъ и когда онъ исполнилъ обѣщанное тогда, когда вся Финляндія лежала у ногъ его. Но созывъ сейма въ Борго за 6 мѣсяцевъ до заключенія мира со Швеціей мы не можемъ признать дѣйствіемъ, согласнымъ съ нормами права государственнаго или съ положеніями права международнаго. Этотъ актъ говоритъ много въ пользу политической прозорливости Императора Александра I и финляндцевъ, но весьма мало въ пользу ясности правового чувства того времени.

Кстати: и здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія на плохое знаніе исторіи профессоромъ исторіи Милюковымъ. Онъ говоритъ, «Финляндцы настолько были дѣйствительно лойяльны, чувство законности у нихъ настолько развито и сильно, что они не хотѣли измѣнять своему законному королю, и когда явился вопросъ о назначеніи сейма до формальной уступки Финляндіи по мирному договору, то противъ опредѣленія сеймомъ положенія Финляндіи—были именно финляндцы, въ силу именно того лойяльнаго чувства, въ которомъ напрасно отказывалъ имъ г. Марковъ. А за немедленный созывъ сейма былъ Императоръ Александръ I».

Это невѣрно. Оппозиція финляндцевъ была направлена не противъ созыва сейма въ 1809 года, а противъ присвоенія депутаціи нотаблей, вызванной въ Петербургъ въ октябрѣ 1808 г., функцій и правъ сейма. Это большая разница. Кто говоритъ въ Думѣ объ исторіи Финляндіи, тому слѣдовало бы лучше изучить ее, а не полагаться на то, что большинство слушателей знаетъ еще менѣе самого оратора. О скорѣйшемъ созывѣ сейма просилъ 30 ноября баронъ Маннергеймъ, предводитель депутаціи, и о настаиваніи на собраніи сейма Александромъ I не было и рѣчи.

Мало того, что профессоръ Милюковъ знакомъ съ исторіей Финляндіи недостаточно,—онъ, повидимому, не считаетъ необходимымъ ознакомиться съ тѣми законодательными памятниками, о которыхъ онъ говоритъ, и, повидимому, основывается на какихъ-либо разсказахъ о нихъ. Иначе мы не можемъ себѣ объяснить то, что онъ говорилъ въ рѣчи объ отношеніи Формы Правленія и Акта Соединенія и Безопасности къ вопросу о взаимоотношеніи

Россіи и Финляндіи и о нормахъ, на коихъ покоится учрежденіе статсъ-секретаріата и должность Министра Статсъ-Секретаря.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ заявилъ, что Государю Императору угодно было указать, въ какомъ порядкѣ впредь должны происходить доклады Министра Статсъ-Секретаря, дабы при изданіи финляндскихъ законовъ или общихъ административныхъ распоряженій не были нарушаемы права и интересы Имперіи. Г. Милюковъ возражаетъ: рѣчь идетъ о подчиненіи статсъ-секретаря и его доклада Государю—контролю Совѣта Министровъ. Нужно сказать, что и эта норма публично-правовыхъ отношеній охраняется тѣми же старинными установленіями, что инструкции 1826 года статсъ-секретарю ссылаются на коренные законы и на основныя постановленія, то же самое дѣлаетъ и инструкция 1811 года ссылкой на основныя законы, «которые сей странѣ свойственны и нами удостовѣрены». И дѣйствительно, разверните эти законы о формахъ правленія, и вы увидите, что ст. 21 и 4 перваго документа и ст. 1 второго документа цѣликомъ регулируютъ отношеніе сейма къ Верховной Власти и устанавливаютъ право непосредственнаго доклада.

Да, мы просимъ развернуть Форму Правленія и Актъ Соединенія и Безопасности и убѣдиться въ томъ, во-первыхъ, что въ этихъ статьяхъ ничего не говорится о взаимоотношеніи Монарха и сейма, и, во-вторыхъ, что въ нихъ ничего не говорится о такомъ учрежденіи, каковымъ является въ 1811 г. и въ 1826 г. статсъ-секретаріатъ.

Въ статьѣ 4 Формы Правленія 1772 года говорится о шведскомъ государственномъ совѣтѣ, который былъ упраздненъ Густавомъ III послѣ 1789 года, о государственномъ совѣтѣ, въ которомъ должно быть не менѣе 17 членовъ. Въ ст. 21 говорится о т. н. канцелярской коллегіи или государственной канцеляріи, которая состоитъ изъ предсѣдателя, члена государственнаго совѣта, изъ такихъ же государственныхъ совѣтниковъ, въ качествѣ засѣдателей, одного гофъ-канцлера, статсъ-секретаря и обыкновенныхъ канцелярскихъ совѣтниковъ, причемъ статсъ-секретарь никакимъ правомъ единоличнаго доклада не пользуется, а исполняетъ лишь функціи начальника канцеляріи. «Въ сей коллегіи сочиняются всѣ вообще уставы, регламенты и рецесы, которые касаются вообще государства или привилегій особенныхъ городовъ и частныхъ лицъ, въ особенности грамоты на должности и чины, отношенія и предписанія».

Сравните теперь инструкции какъ 1811, такъ и 1826 г.г. и спросите себя, гдѣ сходство?

Что же касается статьи 1 Акта Соединенія и Безопасности 1789 года, то она гласитъ: «Признаемъ имѣть короля наслѣдственнымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пецись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе, по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы, признанные королемъ полезнѣйшими».

Вотъ онъ, тотъ 1 пунктъ Акта Соединенія и Безопасности, который, согласно указанію Императора Александра II въ 1864 году, долженъ былъ быть положенъ въ основу предполагавшагося тогда къ изданію новаго учрежденія (или формы правленія) для управленія Финляндіей.

Если даже не стать на точку зрѣнія нѣкоторыхъ шведскихъ юристовъ, какъ напр. Наумана, что Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года ввелъ въ Швецію почти неограниченную монархію, то и тогда никоимъ образомъ нельзя изъ него вычитать норму, на которой построены функціи Министра Статсъ-Секретаря и которая запрещала бы Монарху измѣнять порядокъ и условія личнаго доклада ему дѣлъ по Финляндіи. Если бы, какъ утверждаетъ г. Милюковъ, должность и функціи Министра Статсъ-Секретаря были установлены основными законами, то изданіе инструкцій 1811 и 1826 г.г. должно бы было быть произведено въ порядкѣ изданія основныхъ законовъ, т. е. при содѣйствіи и съ согласія всѣхъ 4 сословій сейма согласно древнимъ шведскимъ порядкамъ. Между тѣмъ онѣ изданы въ порядкѣ административномъ и могутъ быть измѣнены, отменены и дополнены также въ порядкѣ административномъ.

Мы повторяемъ, г. Милюковъ, говоря о старинныхъ шведскихъ законахъ, не потрудился ихъ даже «развернуть», а объ изученіи ихъ онъ даже не подумалъ. Онъ на слово повѣрилъ тѣмъ, кто ему что то рассказали про основные законы Финляндіи, можетъ быть самъ ихъ не зная или зная лишь по самовольнымъ перефразамъ въ изданіи Мехелина, а не въ оригиналѣ. Такой приемъ едва ли достоинъ ученаго.

Въ слѣдующихъ главахъ мы рассмотримъ всѣ положенія г. Милюкова по очереди и намъ придется указать, что они столь же мало обоснованы, какъ и только что перечисленные.

II.

Г. Милюковъ усматриваетъ нарушение финляндской конституціи въ томъ, что Министръ Статсъ-Секретарь будетъ поставленъ подъ контроль Совѣта Министровъ. Да, онъ долженъ быть и будетъ поставленъ подъ контроль Совѣта Министровъ. Но цѣль этого контроля не та, которую подсказываютъ г. Милюковъ и его единомышленники. Дѣйствительную цѣль крайніе финнофилы или не могутъ понять, или понять не желаютъ. Ни Совѣтъ Министровъ, ни отдѣльные министры не домогаются права доклада по финляндскимъ дѣламъ вмѣсто Министра Статсъ-Секретаря. Русскія высшія учрежденія стремятся только къ одной цѣли: предупредить возможное (далеко не умышленное) нарушение русскихъ правъ и интересовъ финляндскими законами и административными распоряженіями. Доннынъ, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, на основаніи закона 1 августа 1891 г., Министръ Статсъ-Секретарь единолично рѣшалъ, связанъ ли съ тѣмъ или другимъ законопроектомъ или предполагаемой административной мѣрой интересъ Имперіи или нѣтъ, и въ зависимости отъ этого своего субъективнаго рѣшенія, по своему усмотрѣнію, или запрашивалъ мнѣніе и заключеніе того или другого министра, или шелъ прямо къ Монарху помимо всѣхъ русскихъ властей. Дѣвымъ, повидимому, этотъ порядокъ очень нравится. Если бы русскій Министръ, по своему личному усмотрѣнію, рѣшилъ помимо финляндскаго сената и Министра Статсъ-Секретаря, связаны ли съ тѣмъ или другимъ дѣломъ интересъ и права Финляндіи, въ средѣ финляндцевъ и въ средѣ ихъ русскихъ друзей поднялся бы крикъ негодованія. Да позволено будетъ русскимъ министрамъ не только негодовать, но и настаивать на принятіи мѣръ, дающихъ имъ возможность, не касаясь значенія законопроектовъ для Финляндіи, своевременно представлять Монарху свои соображенія по тѣмъ пунктамъ и статьямъ ихъ, которые затрагиваютъ такъ или иначе или интересы и права Россійской Имперіи, или права и интересы отдѣльныхъ разрядовъ русскихъ гражданъ, или тѣ вопросы, которые вѣдаются различными вѣдомствами.

Если всѣ законопроекты и проекты общихъ административныхъ мѣръ по Финляндіи будутъ доводиться до свѣдѣнія Совѣта Министровъ—будутъ ли нарушены права и интересы Финляндіи? Едва ли, если не считать сохраненія канцелярской тайны за жизненный интересъ и драгоценное право, дарованное Александромъ I въ 1809 г. на вѣчныя времена. Если считать русскаго Монарха Монархомъ чужимъ для Финляндіи, то и его военныхъ совѣтниковъ нужно считать чужими, можетъ быть, даже враждебными слугами чужого государства, глазамъ коихъ не слѣдуетъ давать доступа въ тайники финляндскаго законодательства и административнаго строя. Если этотъ взглядъ не признать правильнымъ, то нельзя не признать финляндскую канцелярскую тайну—лишнимъ факторомъ, создающимъ подозрительность и плодящимъ недовѣріе.

Но,—можно возразить,—установленіе этихъ постоянныхъ систематическихъ дѣловыхъ сношеній между Министромъ Статсъ-Секретаремъ и Совѣтомъ Министровъ—породитъ волокиту, застой въ дѣлахъ. Быстрота рѣшенія станетъ невозможной. На это можно возразить, что весь строй финляндскаго законодательства и управленія не рассчитанъ на быстроту. Сеймовый законъ проходитъ слѣдующіе фазисы: если пропозиціи исходятъ отъ правительства, то законопроектъ идетъ отъ Сената къ Генераль-Губернатору, отъ сего высшаго представителя власти къ Министру Статсъ-Секретарю, отъ сего сановника къ Монарху, отъ Монарха обратно къ Министру Статсъ-Секретарю, затѣмъ къ Генераль-Губернатору, затѣмъ въ Сенатъ, наконецъ въ сеймъ (въ plenum, изъ plenum'a въ комисію). По обсужденіи и рѣшеніи дѣла въ сеймѣ, проектъ проходитъ вновь всѣ эти фазисы и восходитъ до Монарха, чтобы отъ Монарха, по утвержденіи, идти вновь изъ резиденціи Монарха въ Гельсингфорсъ для обнародованія. Если моція исходитъ отъ сейма, то процессъ законодательства сокращается на одну треть, но и здѣсь проходятъ недѣли и мѣсяцы, пока проектъ становится закономъ.

Если законопроектъ относится къ области законодательства экономическаго (и если Монархъ не признаетъ нужнымъ затребовать необязательное заключеніе сейма), и тогда шествіе законопроекта по различнымъ инстанціямъ — едва ли короче. Спрашивается, много ли потеряютъ финляндцы, если къ этому долгому пути прибавится недѣля, двѣ недѣли, даже мѣсяцъ сношеній съ Совѣтомъ Министровъ? Не будетъ ли ущербъ быстроты покрытъ

выигрышемъ, состоящимъ въ томъ, что будетъ ослабленъ одинъ факторъ, столь много повредившій взаимоотношеніямъ между Имперіей и ея автономной окраиной,—подозрительность и недовѣріе.

Оказывается, что, завоевавъ въ 1809 году Финляндію, Александръ I превратилъ Россійское Государство въ абстракцію. Знамена, которыя развѣваются надъ крѣпостями Гельсингфорсомъ и Выборгомъ, суть символы какой-то не существующей реально политической силы. Флаги, поднятые надъ русскими и финляндскими судами, означаютъ тоже, что плаваетъ на моряхъ принадлежность какой-то абстракціи. Наши миссіи заграницей суть представительницы абстракціи, и международные трактаты, заключенные и заключаемые, суть договоры не съ реальной державой, а съ какой-то абстракціей, не имѣющей реального бытія ни въ государственномъ, ни въ международномъ правовомъ отношеніи.

Намъ думается, что и финляндскіе друзья г. Милюкова не останутся довольными этой новой конструкціей. Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣнется г. Германсонъ со своей теоріей о единой Россійской державѣ, въ которую входятъ суверенное государство Россія и несуверенное—Финляндія?

Что станется съ положеніями г. Мехелина и его послѣдователей и самого сейма, на который ссылается г. Милюковъ, которые въ одинъ голосъ утверждали, что съ внѣшней международной стороны Россія и Финляндія составляютъ одно неразрывное цѣлое, одинъ реальный объектъ, который можетъ вести войну, заключать миръ и можетъ отъ финляндцевъ требовать вѣрнаго исполненія обязанностей на полѣ брани?

Г. Милюковъ заявилъ, что при опредѣленіи взаимоотношеній Россіи и Финляндіи нельзя держаться какихъ-либо категорій, установленныхъ нынѣшней теоріей государственнаго права, и нельзя наклеивать какой-либо установленный ярлыкъ.

Кажется, онъ самъ наклеилъ ярлыкъ—персональной уніи, тотъ ярлыкъ, отъ котораго отрещиваются сами финляндцы.

Но этимъ реальнымъ соображеніямъ, которыя, по мнѣнію противниковъ, вытекаютъ изъ болѣе глубокихъ источниковъ, изъ реакціонныхъ стремленій нынѣшняго правительства (о томъ, насколько указанные стремленія реакціонны, мы еще поговоримъ, ибо намъ придется сказать нѣсколько словъ о проектѣ русской конституціи, составленной во всякомъ случаѣ не реакціонерами)—противопоставляются соображенія идейнаго характера, доктрина, про

которую Предсѣдатель Совѣта Министровъ такъ мѣтко сказалъ, что она превратилась въ догматъ вѣры, который не подлежитъ доказательствамъ умозрительнымъ. Эта доктрина — ученіе о томъ, что Россія и Финляндія суть двѣ совершенно отдѣльныя другъ отъ друга сферы права.

Вотъ слова г. Милюкова:

«Предсѣдатель Совѣта Министровъ присоединилъ къ первой части своей фразы слѣдующія слова: «Имперія управляется объединеннымъ правительствомъ, которое отвѣтственно передъ Государемъ за все происходящее въ государствѣ». Вотъ въ этихъ словахъ, съ точки зрѣнія государственно-правовой и практической, заключается величайшая ересь и величайшая опасность. Тутъ утверждаютъ, что надъ Финляндіей есть высшая инстанція, и вотъ это утвержденіе противорѣчитъ существующимъ отношеніямъ между Финляндіей и Имперіей. Къ этому можно относиться отрицательно или положительно, но это надо признать, какъ фактъ, что между Финляндіей и Имперіей нѣтъ общихъ органовъ. Я понимаю, что это можно считать пробѣломъ, и были даже попытки его восполнить... Такъ называемое «Россійское Государство» существуетъ лишь какъ абстракція. Не можетъ существовать коллективная единица безъ органа и выдумать терминъ не значитъ еще рѣшить вопросъ».

Итакъ, Россійскаго Государства, какъ реальнаго факта, нѣтъ, ибо г. Милюковъ не нашелъ общихъ для Финляндіи и Россіи органовъ.

Нѣтъ, г. Милюковъ, Россія и Финляндія имѣютъ общіе органы. Только ваше незнаніе дѣла дало вамъ возможность не замѣтить ихъ. Ни одинъ финляндецъ не отрицалъ наличности такихъ общихъ органовъ. Общимъ органомъ является Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; общимъ органомъ, по закону о воинской повинности 1878 года, который, по мнѣнію финляндцевъ, дѣйствуетъ донинѣ, былъ Военный Министръ.

А, затѣмъ, главное: Россія и Финляндія имѣютъ общаго Монарха, не въ качествѣ представителя династіи, случайно имѣющей право на два престола, а въ качествѣ общаго, навсегда опредѣленнаго, носителя единой и нераздѣльной Верховной Власти, которая едина, несмотря на то, что дѣйствуетъ въ извѣстныхъ, законами установленныхъ случаяхъ, при посредствѣ различныхъ органовъ.

Можетъ быть, въ глазахъ г. Милюкова Монархъ есть только абстракція, только (по англійскому образцу) король въ финляндскомъ и въ русскомъ совѣтѣ, и король въ двухъ парламентахъ. Можетъ быть, по его мнѣнію, Монархъ есть Монархъ парламентарный, который *régne, mais ne gouverne pas*.

Но этотъ взглядъ не соотвѣтствуетъ ни русскимъ, ни тѣмъ древнимъ шведскимъ законамъ, на которые ссылается самъ ораторъ.

Ст. 2. Формы Правленія 1772 г. гласить: «Государствомъ имѣть управлять король, какъ то гласить шведскій законъ, — король и никто другой».

Если бы г. Милюковъ зналъ «Исторію Формы Правленія», онъ бы зналъ также, что этотъ законъ категорически отвергаетъ парламентарный образъ правленія, превращаетъ Монарха изъ абстрактнаго символа въ реальную силу, и тѣмъ самымъ въ его лицѣ сливаетъ Верховную Власть въ Финляндіи съ Верховной Властью въ Россіи въ одно неразрывное цѣлое.

III.

Заявленіе, что Россійское Государство есть абстракція, что разъ не существуетъ коллективнаго органа, то и не можетъ существовать коллективной единицы,—есть первая медвѣжья услуга, оказанная г. Милюковымъ Финляндіи. Никто изъ финляндцевъ до сихъ поръ не отрицалъ конкретнаго существованія Россійскаго Государства («Riket»), составною, нераздѣльною частью котораго является автономное Великое Княжество Финляндское. Если цѣлое объявляется абстракціей—то чѣмъ же является его нераздѣльная, составная часть? Развѣ и Финляндія только абстракція?

Увѣреніе, что коллективная единица не можетъ существовать безъ органа, служить подтвержденіемъ вѣрности и цѣлесообразности политическаго стремленія создать общій органъ. Это жизненный вопросъ для Россійскаго Государства, и если финляндцы противодѣйствуютъ или если они созданіе общаго органа ставятъ въ зависимость отъ согласія ихъ сейма, который такимъ образомъ (слѣдуя ходу мысли г. Милюкова) можетъ свести Россійское Государство на нѣтъ, то Верховной Власти остается только одно: во что бы то ни стало создать требуемый существомъ Россійскаго Государства коллективный органъ, побороть, если нужно, сопро-

тивленіе сейма, а не торговаться съ нимъ изъ-за бытія или небытія коллективнаго органа.

Говорятъ, что г. Милуковъ получилъ привѣтственную телеграмму изъ Финляндіи за защиту, между прочимъ, истины. Сколько изъ того, что онъ защищалъ съ думской трибуны—истина,—это другой вопросъ, но за провозглашеніе одной истины, что «Россійское Государство», если оно не желаетъ улетучиться въ области абстракціи, — должно создать коллективный органъ для рѣшенія русско-финляндскихъ дѣлъ, — и мы его привѣтствуемъ.

Съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ его слова—хорошія, золотыя слова, а съ точки зрѣнія финляндскаго партикуляризма—они интересны.

Вторая медвѣжья услуга, оказанная Милуковымъ Финляндіи, заключается въ слѣдующемъ. Онъ сказалъ:

«Оно знало (рѣчь идетъ о прокламаціи 6 марта 1808 г., составленной Спренгпортеномъ и недочитанной Милуковымъ до конца), что отношенія Финляндіи къ его державному государству, къ Швеціи, опредѣлялись законами шведскаго публичнаго права». Остановимся на секунду на этихъ словахъ. Да неужели г. Милуковъ думаетъ, что есть въ Россіи хоть одинъ человѣкъ, который сомнѣвался бы въ томъ, что въ *шведское время шведскія* провинціи по эту сторону Ботническаго залива, въ отношеніяхъ своихъ къ державному государству Швеціи опредѣлялись *шведскимъ публичнымъ правомъ*.—Если паче чаянія найдется такой отрицатель этого общепонятнаго изреченія, то его нужно искать или въ лагерѣ сторонниковъ Милукова, или въ салонахъ петербургскихъ дачниковъ, которые твердо увѣрены, что искони вѣковъ существовало особое, финляндское публичное право и что Финляндія обязана прелестями своей природы политикѣ сейма, сената и патріотизму доморощенныхъ политиковъ.

Но послѣ этихъ глубокопродуманныхъ словъ, которыя по своей величавой логичности напоминаютъ извѣстный нѣмецкій стишокъ, въ которомъ говорится, что ночью всѣ кошки сѣры, и что если супругъ цѣлуетъ свою супругу, то онъ въ то же время цѣлуетъ свою жену,—слѣдуютъ слова, которыхъ мы не ждали изъ устъ лидера партіи народной свободы, почему то, въ отличіе отъ другихъ русскихъ гражданъ, пользующейся въ Финляндіи политическими правами (правомъ собранія!).

«И вотъ эти публично-правовыя отношенія русская власть перенесла на себя, на новаго державнаго обладателя Финляндіи».

Мы поздравляемъ почтеннаго профессора,—онъ записался въ число послѣдователей Ордина.

Вотъ что значить «eine gesinnungstüchtige Opposition».—Такъ какъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, какъ засвидѣтельствовалъ самъ г. Милюковъ, отказался отъ возвращенія Ордина,—то г. Милюковъ въ пику ему усвоилъ себѣ взгляды Ордина и его школы.

А лѣвая была восхищена. Видѣ до чего дошелъ человѣкъ, и при томъ собственнымъ умомъ, не зная ни источниковъ права, ни историческихъ матеріаловъ.

Нѣтъ, г. Милюковъ, въ томъ то и дѣло, что новый державный обладатель Финляндіи, т. е. Россійское Государство, извѣстная уже вамъ абстракція,—не перенесла на себя всѣ тѣ публично-правовыя отношенія, которыя существовали прежде между державной Швеціей и заурядными ея провинціями (Нюландъ, Або-Бьернеборгъ, Тавастгусъ, Кимменогородъ, Саволакскъ-Карельская, Ваваская, Улеаборгская), а встала на мѣсто Швеціи только въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ дѣлахъ, касающихся всего Россійскаго Государства, и 2) въ дѣлахъ внѣшней политики.

Александръ I далъ Финляндіи, имъ созданной (существовавшей до него лишь какъ титулъ, т. е. именно какъ абстракція)—несравненно больше, чѣмъ она имѣла въ эпоху шведскую. Въ этомъ весь смыслъ всѣхъ рѣчей Александра I въ 1809 г., грамотъ его и его преемниковъ.

А вы говорите, что Россія во всѣхъ отношеніяхъ встала на мѣсто Швеціи, перенесла на себя всѣ прежнія публично-правовыя отношенія. Мы повторяемъ,—это мнѣніе послѣдователей Ордина. Если бы это было такъ, то нужно было бы просто на просто взять столь близко вамъ извѣстную Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., вычеркнуть повсюду слова «Швеція», «шведскій» и взамѣнъ ихъ поставить слова: «Россія», «русскій».

Но гдѣ же тогда останется автономія Финляндіи? Къ чему тогда сводятся обѣщанія Александра I, къ чему тогда ссылки на нравственную силу обѣщаній, цитаты изъ сочиненій Дюгюи, д'Эспанье, къ чему напоминанія о Полиньякѣ? (Кстати объ отношеніи Николая I къ Франціи въ эпоху 1830 г.—Да, онъ весьма отрицательно относился къ ордонансамъ Карла X, но еще болѣе

отрицательно относился онъ къ революціи, Людовику-Филиппу и къ болтунамъ въ «*assemblée nationale*». Что касается его отношеній къ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ Александра I по отношенію Финляндіи, то о нихъ мы еще потолкуемъ).

Не копируя въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ Финляндіи всего того, что дѣлала нѣкогда шведская государственная власть, даруя финляндцамъ права широкой автономіи, ограничивая до минимума ихъ обязанности по отношенію къ Россіи, открывая имъ путь къ національному самобытному развитію (въ этомъ заключается смыслъ словъ Александра I въ 1809 году: «*placé désormais au rang des nations*», ибо отъ воли даже сильнѣйшаго монарха не зависитъ однимъ словомъ или почеркомъ пера дѣйствительно создавать націю или возвысить народность на степень націй; для этого требуется вѣковая работа народного самосознанія и духовнаго творчества); Россійская государственная, державная власть не могла безъ оговорокъ цѣликомъ сохранить въ силѣ тѣ публично-правовыя нормы, которыя регулировали жизнь финляндскихъ и шведскихъ губерній и впредь должны были регулировать ее, какъ нормы внутренняго провинціального права автономнаго Великаго Княжества. Нѣкоторая часть Формы Правленія 1772 года (поскольку она уже въ 1789 году не была замѣнена Актомъ Соединенія и Безопасности) и Актъ 1789 года потеряли свою силу eo ipso благодаря тому простому факту, что Александръ I до заключенія мира объявилъ Финляндію навсегда присоединенною къ Россіи, а затѣмъ санкціонировалъ, съ согласія шведскаго короля, это внѣшнее инкорпорированіе въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ. Все, что касалось въ этихъ законахъ международно-правового положенія Швеціи, ея правъ, какъ субъекта права международного, было погашено. Погашенію подверглись, конечно, также тѣ нормы, которыя опредѣляли условія, при которыхъ монархъ становится и оставался монархомъ.

Всякій смыслъ и значеніе потеряли, конечно, слѣдующія нормы:

«Король долженъ держаться чистаго и яснаго слова Божія, какъ оно изложено въ писаніяхъ пророческихъ и апостольскихъ, истолковано въ христіанскихъ символахъ, въ катехизисѣ Лютера и въ неизмѣнномъ аугсбургскомъ исповѣданіи... (Форма Правленія 1772 г. § 1)»

«Относительно порядка престолонаслѣдія въ государствѣ дѣйствуютъ стокгольмское и вестереское соглашенія о наслѣдованіи

1543 г. и 1544 г. и норчепингское рѣшеніе 1604 г. (тамъ же, § 2)». *отъ истосоя, ст. 1. «Финляндскіе общинники»*

«Если король чужеземецъ, то не долженъ выѣзжать изъ государства безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ... (тамъ же, § 7)».

«Впредь должности генераль-губернатора внутри государства не должно быть, исключая особенныхъ случаевъ и на опредѣленное время (тамъ же § 33)».

Вообще на сеймъ финляндскій не перешла вся полнота правъ шведскихъ государственныхъ чиновъ. Несмотря на то, что и въ 1809 г. и позже сеймъ называется «государственными чинами», — но все-таки онъ былъ и есть нѣчто иное, — представительство не государственное, а представительство автономной окраины.

Это ясно сознавали сами финляндцы уже въ 1809 г. Пусть г. Милюковъ развернетъ, и не только развернетъ, но и прочтетъ протоколъ перваго засѣданія рыцарской куріи сейма въ Борго. Онъ найдетъ слова ландмаршала де-Геръ, который привѣтствуетъ открытіе засѣданія финляндскихъ «земскихъ» чиновъ, Landtag, послѣ двухсотлѣтняго (200) перерыва. Что эти слова значать? Если бы г. Милюковъ былъ основательно знакомъ съ исторіей Финляндіи, они были бы ему ясны. Эта ссылка на собранный королемъ Густавомъ Адольфомъ въ 1616 году сеймъ финляндскихъ земскихъ чиновъ. Въ XVII столѣтіи были и сеймики по отдѣльнымъ финляндскимъ губерніямъ (въ царствованія Карла X и Карла XI); а въ XVIII столѣтіи, въ эпоху оккупации Финляндіи русскими войсками въ 1741—1743 г. русская Верховная Власть созывала провинціальныя сеймы въ Або, Вазъ и Улеаборгъ.

Многое сдѣлалъ Александръ I для Финляндіи, какъ сдѣлалъ и для Польши. Но одного онъ не сдѣлалъ, къ сожалѣнію. Онъ не установилъ точнаго и твердаго порядка рѣшенія дѣлъ, касающихся не одной Финляндіи, а Финляндіи, какъ нераздѣльной составной части Россійскаго Государства. Можетъ быть, онъ имѣлъ это въ виду впослѣдствіи, при довершеніи великихъ реформъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, осуществилась лишь частица: организація Государственнаго Совѣта въ 1810 году.

Въ одной изъ записокъ Сперанскаго 1810 г., хранящейся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, и, насколько намъ извѣстно, не напечатанной, встрѣчается слѣдующее изреченіе: Финляндія названа — провинціей. Противъ этихъ словъ стоитъ помѣтка Сперанскаго:

«Да, она, несомненно, провинция, но пока еще не удобно говорить это».

О восполненіи оставленнаго Александромъ I пробѣла и заботится правительство. И странно! По тому пути, по которому оно намѣрено идти, шла мысль лицъ, не могущихъ быть заподозренными въ реакціонныхъ тенденціяхъ. Знакомъ ли г. Милюковъ съ проектомъ русской конституціи составленнымъ въ Лондонѣ въ 1895 г., и напечатаннымъ въ части VI собранія сочиненій С. М. Степняка-Кравчинскаго?

Въ раздѣлѣ VII, § 20, сказано:

«Совѣтъ Министровъ составляется изъ лицъ, которымъ поручено Императоромъ управленіе Имперіею (sic!), а именно: имперскаго канцлера, министровъ, заведующихъ министерствами, министровъ безъ портфелей, генераль-губернаторовъ и *статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго*. Канцлеръ назначается и увольняется Высочайшимъ рескриптомъ на его имя и указомъ Сенату; прочіе члены Совѣта Высочайшими именными указами Сенату, по представленію канцлера».

А въ раздѣлѣ III, трактующемъ о земскомъ соборѣ, какъ органѣ, рѣшающемъ высшіе государственные вопросы, сказано (§ 7, прим. 2):

«Отъ Великаго Княжества Финляндскаго призываются въ земскій соборъ представители лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащій разрѣшенію собора вопросъ касается Финляндіи и не относится къ числу предоставленныхъ вѣдѣнію государственныхъ учреждений Великаго Княжества. Число представителей опредѣляется Правительствующимъ Сенатомъ пропорціонально населенію Великаго Княжества относительно населенія Имперіи, а порядокъ ихъ избранія устанавливается тѣмъ способомъ, какимъ издаются коренные законы Великаго Княжества».

Пусть г. Милюковъ прочтетъ и проекты декабриста П. Пестеля о преобразованіи русскаго государственнаго строя, со включеніемъ Финляндіи. А вѣдь декабристовъ онъ едва-ли причислитъ къ реакціонерамъ.

Г. Милюковъ много писалъ и говорилъ за послѣднее время, — пора было бы кое-что и почитать.

IV.

Вернемся еще разъ къ вопросу о томъ, можно-ли опредѣлить взаимоотношенія Россіи и Финляндіи на основаніи основныхъ за-

коновъ шведскаго времени, т. е. на основаніи Формы Правленія и Акта Соединенія и Безопасности.

Въ подтвержденіе нашего взгляда, что эти акты не могутъ служить въ данномъ случаѣ руководствомъ, приведемъ слѣдующую справку.

Такъ называемый комитетъ Вейсенберга (1885—1887 гг.) выработалъ проектъ формы правленія и сословныхъ привилегій для Великаго Княжества Финляндскаго.

Проектъ состоялъ изъ 95 статей. Подъ каждой статьей указаны тѣ законодательные акты прежнихъ временъ, на основаніи которыхъ составители проекта опредѣляли содержаніе новыхъ законоположеній. Первые двѣ статьи касаются отношенія Финляндіи къ Имперіи. Вы не найдете въ цитатахъ подъ этими статьями ни ссылки на Форму Правленія, ни на Актъ 1789 года.

Составители вполне правильно цитировали только удостовѣреніе Императора Александра I жителямъ Финляндіи отъ 15 марта 1809 г. и присягу земскихъ чиновъ Финляндіи на вѣрнопопданство въ Борго 29 марта 1809 годами.

Одинъ изъ членовъ комитета, профессоръ Германсонъ, внесъ при этомъ особое мнѣніе, въ которомъ онъ между прочимъ говорить: «По моему мнѣнію, опредѣленія, касающіяся отношеній Великаго Княжества къ Россіи, не принадлежатъ къ финляндской формѣ правленія.

«Что Финляндія нераздѣльно соединена съ Россіей,—это, конечно, есть такое опредѣленіе, которое, вмѣстѣ съ другими съ нимъ связанными, подлежитъ къ руководству для Финляндіи и для ея жителей. Но это опредѣленіе иного свойства, чѣмъ тѣ опредѣленія, которыя, предполагая указанное соединеніе существующимъ, касаются отправленія правительственной власти въ Финляндіи, и посему въ собственномъ смыслѣ образуютъ особую форму правленія Великаго Княжества Финляндскаго. Если же, однако, и вопросъ объ отношеніи Финляндіи къ Россіи признать входящимъ въ задачу комитета—и я допускаю, что буквальный смыслъ Высочайшаго распоряженія даетъ къ тому основаніе,—то постановленія, касающіяся сего отношенія, должны бы образовать самостоятельный, отдѣльно отъ финляндской формы правленія, актъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію почтеннаго финляндскаго ученаго, изъ нормъ, о коихъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, долженъ былъ быть составленъ особый актъ. А по нашему мнѣнію такимъ нор-

мамъ подобае́тъ мѣсто только въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи.

Но «revenons à notre mouton», т. е. къ г. Милюкову.

Онъ много цитируетъ; онъ на многое ссылается. И притомъ онъ не просто ссылается, онъ не просто цитируетъ. Нѣтъ, онъ вдохновенный поэтъ въ области цитатъ и ссылокъ. Говоря о тѣхъ двухъ путяхъ, идя по которымъ хотѣли выяснить наши отношенія къ Финляндіи, онъ говоритъ, что «сами финляндцы готовы были идти путемъ перечня дѣлъ, которыя имъ принадлежать, и тѣхъ, которыя принадлежать Имперіи. Финляндцы хотѣли идти этимъ путемъ уже тогда, когда намѣтили составленіе или кодификацію (sic!) своихъ основныхъ законовъ въ видѣ новой формы правленія. Уже въ 1863—1864 гг., когда Александръ II согласился на эту кодификацію, выработаны были особые правила, но потомъ работа остановилась вслѣдствіе возраженія съ русской стороны. И всякій разъ такъ было, когда возникалъ этотъ вопросъ. Между тѣмъ, попытки смѣшанныхъ комиссій въ этомъ направленіи не прекращаются: комиссія Вейсенберга, комиссія Бунге, потомъ таганцевская комиссія, и наконецъ...» (идетъ рѣчь о комиссіи графа Сольскаго).

Въ этихъ словахъ г. Милюкова много—скажемъ—поэзіи.

1) Комиссіи 1864 и 1885 гг., т. е. комиссія Норденстамма и комиссія Вейсенберга, не были «смѣшанными комиссіями», а были чисто финляндскими комиссіями, 2) эти комиссіи вовсе не занимались вопросомъ о разграниченіи двухъ законодательныхъ сферъ: имперской и финляндской, 3) причины ихъ крушенія заключались вовсе не въ тѣхъ русскихъ соображеніяхъ о необходимости установить тотъ или иной перечень или ту или иную «процедуру» рѣшенія общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ, а въ совершенно другомъ.

Проектъ комиссіи Норденстамма былъ отвергнутъ Императоромъ Александромъ II вслѣдствіе протеста, предъявленнаго барономъ Рокассовскимъ, тогдашнимъ, весьма любимымъ и уважаемымъ въ Финляндіи, генералъ-губернаторомъ.

Въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ на изданіе «полнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго» и на проектъ преобразования Сената, баронъ Рокассовскій писалъ между прочимъ слѣдующее: «Въ заключеніе считаю долгомъ выразить слѣдующее, что повторяющіяся настоянія о новыхъ правахъ невольно наво-

дять мысль на потаенныя дѣйствія радикальной партіи. Въ послѣднее время измѣнилось многое въ финляндскомъ обществѣ, явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленія къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Въ монетной реформѣ эти дѣйствія выказались довольно ясно; испрошены мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя наконецъ довершили отдѣленіе Великаго Княжества отъ Имперіи.

«Въ настоящемъ проектѣ, если слѣдить за ходомъ дѣла, нельзя не подовѣрять ту же радикальную партію, распространяющую безпрерывно свои мнѣнія, съ указаніемъ даже на лицо, достойное находиться во главѣ управленія. При этомъ я не долженъ умолчать, что программа радикаловъ мнѣ давно извѣстна, и что только часть оной нынѣ предложена къ обсужденію въ комитетахъ.

«Принимая все вышесказанное во вниманіе, я бы находилъ лучшимъ оставить дѣйствующія нынѣ учрежденія въ своей силѣ. Для меня какъ ни дороги интересы финляндцевъ къ правильному ихъ развитію и къ благоденствію края, но я не могу этого желать въ ущербъ интересамъ Имперіи, полагая при томъ, что новыя уступки не удовлетворяютъ радикальную партію и поведутъ только къ новымъ несбыточнымъ желаніямъ». На эту записку одно неизвѣстное лицо, повидимому, высокопоставленный финляндецъ, написало возраженія, имѣвшія цѣлью доказать, что въ Финляндіи нѣтъ никакого сепаратизма, хотя авторъ счелъ долгомъ замѣтить, что «впрочемъ, нельзя не сознаться, и что предъ симъ не было скрыто отъ Его Императорскаго Величества, что въ Финляндіи есть лица, питающія не совсѣмъ доброе расположеніе къ Россіи, а, быть можетъ, и желанія, не согласныя съ зависимостью Финляндіи отъ Имперіи».

На запискѣ Рокассовскаго Императоръ собственноручно начерталъ слова: «Имѣть въ виду при представленіи новыхъ проектовъ свода».

Это Высочайшее указаніе не было принято во вниманіе при составленіи новаго проекта Формы Правленія комиссіей Вейсенберга, который шелъ еще дальше на пути уступокъ, такъ же, какъ не было удержано въ памяти самой комиссіей Норденстамма первое постановленіе Высочайше утвержденной программы, данной въ 1864 году, постановленіе, гласившее:

«Государю Императору благоугодно, чтобы комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, признанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ при открытіи минувшаго сейма необходимыми, при исполненіи сего порученія имѣлъ въ виду не только, чтобы Форма Правленія отъ 21 августа 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля 1789 г., а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ «Уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго», но и чтобы законодательныя законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы, сколь это возможно при необходимомъ уясненіи выраженій, а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, *былъ принятъ во вниманіе за правило основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ статьѣ 1 Акта Соединенія и Безопасности*»...!

Кто знакомъ съ оригинальнымъ текстомъ этой статьи, тотъ по сравненіи ея тенденціи съ тенденціей какъ проектовъ Норденстамма, такъ и, въ особенности, проектовъ комиссіи Вейсенберга, признаетъ, что они отклонились далеко въ сторону и старались не столько удержать въ неприкосновенности права конституціоннаго Монарха, сколько расширить права сейма.

Мы не станемъ говорить объ измѣнѣ, но не можемъ признавать, что комиссія, принявшія на себя исполненіе порученія Монарха, единственнаго законнаго инициатора при измѣненіи основныхъ законовъ, не исполнили этого порученія съ той добросовѣстностью, которой можно было отъ нихъ требовать. Считаемо необходимымъ подчеркнуть, что это были комиссіи не сеймовыя, а правительственныя.

Работы комиссіи Вейсенберга поступили сперва на разсмотрѣніе особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора графа Гейдена, а затѣмъ, въ совѣщаніе Н. Х. Бунге. И только въ комиссіи Бунге выступилъ впервые на очередь вопросъ о разграниченіи сферъ законодательства: имперскаго и финляндскаго.

Онъ возбужденъ былъ не финляндцами, а графомъ Гейденомъ въ запискѣ, при которой онъ представилъ выработанный имъ проектъ «Учрежденія управленія губерній Великаго Княжества Финляндіи».

Въ одномъ изъ засѣданій совѣщанія члены-финляндцы представили цѣлый рядъ возраженій противъ русской точки зрѣнія и заявили, между прочимъ, слѣдующее: «По симъ соображеніямъ и во вниманіе къ тому, что настоящій проектъ имѣетъ въ виду установить, какъ исключеніе изъ дѣйствующаго порядка финляндскаго законодательства, чтобы законы, долженствующіе получить силу права и въ Финляндіи, могли быть изданы не въ томъ порядкѣ, какой нынѣ существуетъ для изданія финляндскихъ законовъ, а также въ виду того, что проектъ не опредѣляетъ и не ограничиваетъ въ подробности предметовъ такого общаго для Имперіи и Великаго Княжества законодательства, слѣдовательно не ставитъ никакихъ преградъ постепенному расширенію области своего примѣненія и ничѣмъ не препятствуетъ подчиненію себѣ одного за другимъ всѣхъ почти дѣлъ Финляндіи, финляндскіе члены подкомиссіи находятъ безусловно необходимымъ ограничить область общаго законодательства положительнымъ указаніемъ, на которые оно распространяется, что могло бы быть достигнуто принятіемъ нижеслѣдующей редакціи».

Остановимся на минутку: Предсѣдатель Совѣта Министровъ привелъ примѣрный перечень вопросовъ, которые должны бы были войти въ область законодательства общеимперскаго. Г. Милюковъ назвалъ это мѣсто въ рѣчи П. А. Столыпина «самымъ темнымъ мѣстомъ рѣчи». «Предсѣдатель Совѣта Министровъ, сказалъ г. Милюковъ, говорить съ одной стороны о возможности составленія списка общеимперскихъ дѣлъ, т. е. о распредѣленіи функцій, и даже прилагаетъ примѣрный списокъ. Я не буду входить въ обсужденіе содержанія этого списка; въ немъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, спорное смѣшано съ безспорнымъ».

Въ этомъ самомъ темномъ для г. Милюкова мѣстѣ (а темно оно для него потому, что онъ въ иныхъ случаяхъ болѣе финляндецъ, нежели сами финляндцы) П. А. Столыпинъ сказалъ: «Конечно, затруднительно было бы сейчасъ же вамъ представить исчерпывающій списокъ этихъ задачъ, но, конечно, для всѣхъ ясно, что къ нимъ относятся, на примѣръ: общая защита всѣми подданными русскаго Государя общаго отечества, наблюденіе за крѣпостями, наблюденіе и защита береговыхъ водъ, наблюденіе за почтовыми учрежденіями, управленіе телеграфомъ и нѣкоторыя отрасли желѣзнодорожнаго, таможеннаго управленія, и, наконецъ, упоря-

доченіе правъ русскихъ уроженцевъ въ Финляндіи. Все это настолько близкіе Россіи вопросы, они настолько задѣваютъ наши кровные интересы, что не могутъ быть предметомъ рѣшенія однихъ только финляндцевъ, особенно въ порядкѣ одного только финляндскаго законодательства».

Намъ неизвѣстно, которыя изъ перечисленныхъ П. А. Столыпинымъ задачъ признаются г. Милюковымъ, безспорно, общими задачами и которыя—спорными. Но мы знаемъ, что ни одинъ изъ указанныхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни не попалъ въ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства, представленный въ 1892 году финляндскими членами комиссіи Бунге.

Рискуя навести скуку на читателей, мы приведемъ этотъ списокъ полностью. Вотъ онъ:

А) О нижеприведенныхъ предметахъ впредь, въ случаѣ оказывающейся въ томъ надобности, издаются законы, общіе для Имперіи и Великаго Княжества.

Б) Сіи предметы суть:

1) Общія условія принятія иностранцевъ въ подданство по Имперіи и Великому Княжеству.

2) Порядокъ пріобрѣтенія правъ финляндскаго гражданства уроженцами Имперіи и порядокъ приписки финляндскихъ уроженцевъ въ російскіе губерніи.

3) О судимости по дѣламъ о преступленіяхъ, учиненныхъ финляндскими уроженцами въ Имперіи и російскими уроженцами въ Финляндіи.

4) Порядокъ производства дѣлъ о наслѣдованіи движимаго имущества, оставшагося послѣ финляндскихъ уроженцевъ въ Имперіи и послѣ російскихъ уроженцевъ въ Финляндіи.

5) О правахъ русской опеки въ дѣлахъ о недвижимомъ имуществѣ русскихъ, опекаемыхъ въ Финляндіи, и о правахъ финляндскихъ опекуновъ въ дѣлахъ о недвижимомъ имуществѣ финляндцевъ, опекаемыхъ въ Имперіи.

6) Объ исполненіи въ одной изъ странъ судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, состоявшимся въ другой странѣ.

7) Порядокъ вызова русскими военными судами въ Финляндіи финляндскихъ уроженцевъ въ качествѣ свидѣтелей и для другихъ тому подобныхъ дѣлей.

8) О законномъ содѣйствіи, которое судебныя и административныя власти одной страны должны оказывать таковымъ властямъ другой страны.

9) Торговья сношенія между Имперіей и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

10) О правахъ, предоставляемыхъ русскимъ и финляндскимъ судамъ въ портахъ и гаваняхъ обѣихъ странъ.

11) О правахъ и обязанностяхъ російскихъ консуловъ по охранѣ за границею интересовъ финляндской торговли и мореходства, а также правъ частныхъ лицъ.

12) Взаимная охрана фирмъ и товарныхъ клеймъ.

13) Взаимная охрана права художественной и литературной собственности.

14) Объ условіяхъ дѣятельности въ одной странѣ страховыхъ обществъ, учрежденныхъ въ другой странѣ.

Какъ вы видите, въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, о которыхъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и изъ которыхъ нѣкоторые (которые именно, — такъ и осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности) признаются «безспорными» самимъ г. Милюковымъ.

Съ такимъ перечнемъ могло бы согласиться правительство, помнящее только обѣщанія Верховной Власти по адресу Финляндіи, но забывшее объ обязанностяхъ въ отношеніи Россіи.

V.

Г. Милюковъ въ своей рѣчи сказалъ: «чтобы выяснить наши отношенія къ Финляндіи, очевидно, надо было выяснить предѣлы правъ обѣихъ странъ, т. е. тѣ функціи, которыя принадлежатъ одной правовой сферѣ и другой, т. е. путь реального разграниченія функцій. Это одинъ путь. Другой путь, который тоже былъ испробованъ, это — способъ установленія особой процедуры для такихъ законовъ, которые интересуютъ и Россію и Финляндію, не устанавливая, какіе именно законы интересуютъ ту и другую сторону, не разграничивая ихъ одинъ отъ другого, хотѣли установить извѣстную процедуру. Оба пути были испробованы, и на обоихъ путяхъ оказались серьезныя затрудненія. Сами финляндцы готовы были идти путемъ перечня дѣлъ, которыя имъ принадлежатъ, и тѣхъ, которыя принадлежатъ Имперіи».

Г. Милюковъ плохо освѣдомленъ. Гг. финляндцы вовсе не столь наивны, чтобы думать объ опредѣленіи законодательной компетенціи безъ установленія процедуры, т. е. порядка ея осуществленія. Финляндскіе чины совѣщанія Бунге предложили не только перечень дѣлъ, но и «процедуру»; но «процедура» оказалась для русскихъ чиновъ столь же неприемлемой, какъ и перечень.

Согласно предложенію финляндскихъ членовъ въ случаѣ составленія проекта общаго для Имперіи и Великаго Княжества закона, финляндскій Сенатъ обязанъ бы особо разъяснить вопросъ, не содержатся ли въ данномъ проектѣ такія постановленія, которыя по основнымъ законамъ Великаго Княжества не могутъ быть изданы иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи. Если признано, что по возбужденному законопроекту требуется участіе земскихъ чиновъ Финляндіи, то дѣлу дается дальнѣйшее направленіе не въ порядкѣ изданія общихъ для Имперіи и Великаго Княжества законовъ, а финляндскій Сенатъ въ такомъ случаѣ имѣетъ составить проектъ предложенія финляндскому сейму. Проектъ такого предложенія Министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндіи, по истребованіи отзыва надлежащаго Министра Имперіи, повергаетъ вмѣстѣ съ означеннымъ отзывомъ на утвержденіе Его Императорскаго Величества.

По полученіи постановленія финляндскаго сейма, все дѣло вносится Министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндіи въ Государственный Совѣтъ, который, не дѣлая въ принятой сеймомъ редакціи закона измѣненій, во всеподданнѣйшемъ мнѣніи своемъ высказывается только о возможности утвердить законопроектъ или о необходимости его отвергнуть.

На это предложеніе предсѣдатель совѣщанія и русскіе члены очень основательно отвѣтили, что дѣла общегосударственнаго значенія, отъ коихъ можетъ зависѣть иногда цѣлость и безопасность всего государства, требуютъ изданія общегосударственныхъ законовъ, и порядокъ изданія ихъ никакъ не можетъ зависѣть отъ рѣшенія власти отдѣльной части государства.

Два финляндскихъ члена совѣщанія Бунге, ген.-лейт. ф. Денъ (тогдашній Министръ ст.-секр. Великаго Княжества Финляндскаго) и прокуроръ сената Калоніусъ высказали мысль, которую мы не можемъ не признать замѣчательною. Она могла бы быть принята во вниманіе и при предстоящихъ работахъ по регулированію спорнаго

вопроса о порядкѣ рѣшенія общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ.

По ихъ мнѣнію, общій для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго законъ могъ бы, если свойство дѣла того требуетъ, ограничиться установленіемъ лишь главныхъ руководящихъ началъ, съ тѣмъ, чтобы подробныя по дѣлу правила были опредѣлены въ особыхъ постановленіяхъ по Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому.

По мнѣнію означенныхъ двухъ членовъ, такой порядокъ представлялся бы необходимымъ, такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ законоположенія, принципиально общія для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, въ частностяхъ и подробностяхъ не могутъ быть вполне единообразны въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и должны въ каждой изъ этихъ частей государства (т. е. той «абстракціи», о которой говорилъ г-нъ Милюковъ) быть сообразованы съ существующими въ данной странѣ строемъ управленія и дѣйствующимъ порядкомъ примѣненія и исполненія закона.

Въ совѣщаніи Бунге другъ противъ друга стали два правовоззрѣнія,—русское и финляндское. (Сторонники финляндцевъ по сю сторону Сестры-рѣки скажутъ, что первое воззрѣніе не есть русское, ибо правильно русское совпадаетъ съ финляндскимъ, но, такъ какъ все таки крупная часть русскаго общества не слѣдуетъ за стягомъ партіи т. н. народной свободы, то мы рѣшаемся все таки противопоставить русское воззрѣніе финляндскому).

Финляндцы неуклонно держатся мнѣнія, что ихъ право, основанное на обѣщаніяхъ Александра I, или даже на соглашеніи въ Борго,—будетъ нарушено, если при рѣшеніи общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ за ихъ сеймомъ не будетъ признано право рѣшительнаго вето.

Русскіе (къ сожалѣнію, не всѣ) стоятъ на томъ, что если финляндскому народному представительству предоставить въ дѣлахъ общегосударственныхъ рѣшающій голосъ,—то русскія законодательныя учрежденія окажутся въ подчиненіи у сейма финляндскаго.

Финляндцы заявляютъ, что настаивать на признаніи за имперскими законодательными учрежденіями рѣшающаго голоса—значить провозглашать право сильнаго давить слабого, освящать грубый принципъ, что крупное политическое тѣло должно имѣть преимущество надъ малымъ.

Русскіе противопоставляютъ этому заявленію, что Финляндія, какъ составная часть Россійскаго государства, въ вопросахъ государственной важности не можетъ требовать сувереннаго права отстаивать неизмѣнность своей компетенціи даже въ ущербъ правамъ Россіи, что ссылка на нравственное право слабого не быть стѣсненнымъ со стороны сильнаго, — принимая ее повсюду, — лишаетъ сильнаго возможности сохранить свою силу въ борьбѣ съ другими сильными конкурентами на аренѣ международныхъ сношеній.

Финляндцы утверждаютъ, что финскій народъ никогда не согласится признать предстоящее ограниченіе компетенціи сейма законнымъ, если онъ, сеймъ, не дастъ на то свое согласіе. Русскіе возражаютъ, что разъ представители финскаго народа въ 1809 г. помирились съ необходимостью явиться на сеймъ, созданный Александромъ I, собственной властью объявившимъ себя финляндскимъ сувереномъ, то та же государственная необходимость должна ихъ побудить помириться съ неизбѣжными измѣненіями въ компетенціи сейма.

Финляндцы утверждаютъ, что, въ сущности, весь споръ о предѣлахъ и о «процедурѣ» общегосударственного законодательства возникъ не по серьезнымъ поводамъ, а лишь вслѣдствіе усиленія съ конца 80-хъ годовъ шовинизма и націонализма въ Россіи, что все-де шло самымъ лучшимъ образомъ, что никакого чрезвычайнаго партикуляристическаго (или, какъ у насъ говорятъ: сепаратистическаго) стремленія въ Финляндіи не было, и что если-бы предоставили финляндцевъ самимъ себѣ, если бы исполнили желаніе о расширеніи компетенціи сейма, если бы утвердили выработанную новую форму правленія (конечно, съ согласія сейма), то Финляндія только-бы сблизилась съ Россіей.

Русскіе ссылаются на то, что, наоборотъ, въ Финляндіи, со времени сейма 1863 г., партикуляристическія тенденціи растутъ. Стоитъ только вспомнить, какъ въ 1822 году финляндцы относились къ вопросу о защитѣ Россіи и какъ они относились къ этому вопросу въ 1877—1878 гг.! Стоитъ только вспомнить о рядѣ законовъ, укрѣпившихъ, отчасти усугубившихъ то обидно-безправное положеніе, въ которое поставлены русскіе уроженцы въ Финляндіи (нашимъ финнофиламъ, вѣроятно, неизвѣстно, что право землевладѣнія, какимъ пользуются русскіе уроженцы въ Финляндіи, даровано имъ Верховной Властью въ порядкѣ админи-

стративнаго законодательства, а не сеймоваго, и что проект новой формы правленія 1906—1907 гг. снова вводить ограниченія въ этой области, въ качествѣ нормъ основныхъ), на которое указалъ въ думскомъ засѣданіи 13 мая графъ В. Бобринскій. Русскіе того мнѣнія, что установленіе сферы и порядка общегосударственнаго законодательства сослужить роль благотѣльную, что эта мѣра можетъ предупредить наступленіе того момента, когда, по словамъ г. Петрово-Соловово, русскимъ придется выступить грудью для защиты неприкосновенности правъ Россіи на ея окраину.

Весь этотъ споръ двухъ правовоззрѣній не доведенъ до конца; возможность конфликта все время тяготеетъ надъ государствомъ, то угрожая острымъ фазисомъ, то временно отступая на задній планъ.

Попытка найти путь къ примиренію несогласныхъ другъ съ другомъ правовоззрѣній и политическихъ взглядовъ была сдѣлана въ 1904 году учрежденіемъ такъ называемой таганцевской комиссіи, которая, не играя рѣшающей роли, должна была подготовить все необходимое для рѣшенія спорныхъ вопросовъ въ высшихъ сферахъ, а затѣмъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Работы комиссіи къ положительному результату не привели, но не вслѣдствіе возраженій съ русской стороны, какъ угодно было сказать г. Милюкову.

Русскіе члены вели дѣло въ направленіи примирительномъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по мнѣнію многихъ здѣсь въ Россіи, шли даже дальше по пути уступокъ во взглядахъ, нежели слѣдовало бы—(что вызвало выходъ изъ состава комиссіи одного изъ русскихъ членовъ).

Таганцевская комиссія не довела своихъ работъ до конца, потому что финляндскимъ членамъ ея угодно было вскорѣ послѣ изданія Манифеста 22 октября 1905 года отказаться отъ своихъ полномочій. Новые члены не были назначены. До сихъ поръ ни финляндскіе члены комиссіи не дали удовлетворительныхъ объясненій своего ухода, ни Сенатъ не далъ серьезнаго объясненія, почему онъ не послалъ новыхъ! Нельзя же принять за серьезное объясненіе заявленіе, что-де послѣ увольненія въ отставку сенаторовъ періода 1901—1905 гг. назначены были въ Сенатъ члены, такъ называемыхъ, конституціонныхъ партій! Мы повторяемъ: комиссія была предварительной, и задача ея сообразить путь при-

миренія не могла идти въ разрѣзъ съ той или иной политикой, тѣмъ болѣе, что финляндскій сенатъ не имѣетъ права вести ту или иную самостоятельную политику. Онъ—органъ Монарха, который одинъ управляетъ, онъ одинъ, никто другой.

Наконецъ, г. Милюковъ коснулся совѣщанія графа Сольскаго. О работахъ совѣщанія графа Сольскаго, поскольку онѣ касались русско-финляндскихъ отношеній, уже было говорено на столбцахъ газеты «Россія». Шла рѣчь объ учрежденіи согласительныхъ комиссій, объ учрежденіи русско-финляндскаго комитета. Опять дѣло не доведено до конца, какъ извѣстно, вслѣдствіе возраженій не со стороны русскихъ, хотя русскіе имѣли бы болѣе основаній протестовать противъ тенденціи работъ совѣщанія. Такимъ образомъ гг. финляндцы знаютъ ничего не хотятъ (за рѣдкими исключеніями) объ уступкахъ, когда чувствуютъ себя сильными; склоняются на уступки, когда сознаютъ свою слабость и немедленно возвращаются на обычную позицію отказа отъ уступокъ и соглашенія иначе какъ на основѣ ихъ программы,—коль скоро Россія кажется имъ ослабѣвшею.

Г. Милюковъ говоритъ: «Изъ этого положенія слѣдуетъ ли, господа, вывести теперь заключеніе, что равъ устроенныя отношенія должны оставаться неизмѣнными? Противники Финляндіи пробовали и такой выводъ сдѣлать. Но, господа, не въ томъ дѣло, что эти законы неизмѣнны,—все на свѣтѣ измѣняется,—но дѣло въ томъ, что измѣненіе этихъ законовъ должно совершаться только опредѣленнымъ порядкомъ, въ нихъ указаннымъ, и Государь Императоръ подтвердилъ это. Сами финляндцы признаются, что законы эти крайне несовершенны, архаичны, и что въ нихъ существуетъ цѣлый рядъ пробѣловъ. Нѣкоторые изъ этихъ финляндцевъ, какъ Даніельсонъ и Германсонъ, идутъ чрезвычайно далеко въ этомъ отношеніи и въ своей готовности пойти навстрѣчу Россійскому правительству даже нѣсколько насилуютъ свои государственныя права».

Эта тирада г. Милюкова отличается неясностью и по его адресу съ большею основательностью, нежели по адресу П. А. Столыпина, можно бы приложить его же изреченіе: спорное смѣшано съ безспорнымъ. При чемъ тутъ, прежде всего, гг. Германсонъ и Даніельсонъ? Они очень почтенные люди, но какую-либо роль въ опредѣленіи взаимоотношеній Россіи и Финляндіи они играть не могутъ, такъ какъ, несмотря на свой авторитетъ въ

качествѣ научныхъ дѣятелей, они все таки не государственныя учрежденія, не сеймъ и не Сенатъ. Если они по своему конструируютъ теорію «Россійской державы» или «Руссо-Финляндіи», если они даже «нѣсколько насилуютъ свои государственныя права», то это ихъ добрая воля и личная прихоть, въ которыхъ нимало не заинтересована Верховная Власть. Съ государственной точки зрѣнія имѣютъ значеніе только вотумъ сейма и заключеніе Сената. И сдѣлали ли эти два учрежденія что либо, чтобы восполнить «рядъ пробѣловъ», о которыхъ рѣчь идетъ—вотъ вопросъ.

О какихъ законахъ, признанныхъ въ Финляндіи «крайне несовершенными» и «архаическими»,—говоритъ г. Милюковъ? Основными положеніями, на коихъ покоится отношеніе Финляндіи къ Россіи, по мнѣнію финляндецъ, являются торжественныя рѣчи и грамоты Александра I и Его Государственныхъ Преемниковъ въ 1809, 1816, 1825, 1855, 1863, 1881 и 1894 гг. Мы не слышали еще, чтобы финляндцы признавали эти документы «архаическими». Русскіе основные законы, кромѣ статей, касающихся престолонаслѣдія и ст. 2, они не признаютъ дѣйствующими въ Финляндіи. Остаются, слѣдовательно, опять-таки старинные шведскіе законы 1772 и 1789 гг. Что они признаются «архаическими» и «несовершенными» въ Финляндіи,—это вѣрно.

Однако, если спросить: какими нормами желаютъ ихъ замѣнить финляндцы, то окажется, что во всѣхъ проектахъ новой редакціи основныхъ законовъ, начиная съ 80-хъ годовъ, красною нитью проходитъ стремленіе отклониться отъ принциповъ строго-конституціонной, такъ называемой, дуалистической монархіи, на которыхъ покоятся законы 1772 и 1789 гг.,—въ угоду принципамъ монархіи парламентарной. Прерогатива Монарха суживается,—права сейма расширяются. Сенатъ изъ учрежденія, зависящаго только отъ законовъ и отъ соображающей съ ними воли Монарха (какъ сказано въ Манифестѣ 1816 г.), превращается въ учрежденіе, сообразующееся съ волей большинства въ сеймѣ.

Составленіе проектовъ—мы не считаемъ актомъ измѣны, но мы признаемъ дѣйствіемъ некорректнымъ, если финляндскія власти (сеймъ и сенатъ), такъ сказать «авансомъ», путемъ систематическаго толкованія стремятся сузить права Монарха въ пользу принциповъ народоправства.

Встанемъ на мгновеніе на точку зрѣнія, что между Александромъ I и сеймомъ въ Борго въ 1809 г. установлено соглаше-

ніе. Если финляндскій народъ ждетъ отъ Монарха неизмѣннаго соблюденія обѣщаній Александромъ I, то, прежде всего, его представители не должны уклоняться отъ присяги, данной сеймомъ 1809 г. (17 марта), въ которой сказано, что земскіе чины будутъ «неизмѣнно сохранять коренные законы и учрежденія этой страны въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, равно будутъ опорой Верховной Власти, повиноваться ея повелѣніямъ и ихъ исполнять такъ, чтобы имѣть возможность дать отвѣтъ передъ Богомъ и людьми: Государю принадлежитъ повелѣніе, а намъ исполненіе; будемъ сохранять все то, что справедливо какъ въ отношеніи къ особѣ Государя, такъ и въ отношеніи насъ самихъ; мы также обѣщали и удостоверяли Его Величеству быть всегда вѣрными Его службѣ, особенно защищать страну; соблюдать по законамъ и нашимъ привилегіямъ нашу военную службу, лишь только она будетъ потребована, какъ для смотра, такъ и на защиту страны. Мы будемъ убѣждать всѣхъ подданныхъ страны въ вѣрности и къ уплатѣ должныхъ коронѣ налоговъ; мы сохранимъ все это вѣрно по нашему лучшему разумѣнію и возможности, въ удостовѣреніе чего мы это обѣщаемъ, поднявъ руки, и молимъ Бога, да будетъ намъ въ помощь какъ душевно, такъ и тѣлесно».

VI.

Г. Милюкову очень не понравилось то мѣсто рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, гдѣ говорится о роли финляндскаго университета и финляндской интеллигенціи въ постепенномъ созданіи политическаго міровоззрѣнія финляндцевъ. Это мѣсто затронуло его за живое. Лидеру партіи народной свободы, считающей себя сосудомъ, въ которомъ скопились всѣ сливки русскаго образованнаго и мыслящаго общества; лидеру партіи, которая и въ Финляндіи почитается сосредоточіемъ лучшихъ людей Россіи, которые только по недосмотру Всевышняго или благодаря каверзамъ нынѣшняго правительства не заняли министерскихъ креселъ, показалось, что П. А. Столыпинъ отрицаетъ за образованными и учеными людьми право, по мѣрѣ силъ и способностей, работать надъ развитіемъ отечественнаго правосознанія и двигать свой народъ по тернистому пути умственнаго и духовно-нравственнаго прогресса. Встревоженный этой мыслью, онъ даже не имѣлъ до-

статочно спокойствія духа, чтобы разслышать то, что дѣйствительно сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и смѣло приписываетъ ему слова и мысли, которыхъ тотъ не говорилъ и не имѣлъ. Мы имѣемъ предъ собою стенограмму рѣчи П. А. Столыпина и не находимъ мѣста, гдѣ бы онъ призналъ професоровъ университета или интеллигенцію въ чемъ либо «виноватыми» или упрекнулъ ихъ въ томъ, что они «искусственно» создали вѣру въ государственность Финляндіи или что они «какъ то хитро привили странѣ свои догматы». Г. Милуковъ, находясь въ недоумѣніи, которое было плодомъ его собственного поэтического полета мысли, спрашиваетъ: «только ли эта финляндская теорія субъективна, для которой нѣтъ почвы въ дѣйствительности, только ли это существуетъ для обоснованія правъ Финляндіи?»

Затѣмъ онъ полагаетъ, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи предъ фактомъ вліянія теоріи финляндскаго государственнаго права на политическое міросозерцаніе мыслящаго финляндскаго общества. Предполагая въ противникѣ несуществующее въ дѣйствительности недоумѣніе, онъ продолжаетъ: «Я полагаю, что напрасно Предсѣдатель Совѣта Министровъ почитаетъ такой способъ возникновенія и укрѣпленія нѣкоторыхъ національных догматовъ и вѣрованій чѣмъ то исключительнымъ. Только въ тѣхъ странахъ, гдѣ интеллигенція устраняется отъ руководительства, гдѣ ее не считаютъ мозгомъ страны, можно говорить объ иномъ порядкѣ возникновенія національнаго самосознанія. Но въ этихъ странахъ нѣтъ національнаго самосознанія. Эти страны лишены тѣхъ внутреннихъ элементовъ организаціи, которые составляютъ силу и крѣпость государства, и если, гг., мы хотимъ пожелать и нашей странѣ добра, то мы должны пожелать, чтобы она шла тѣмъ же путемъ, какимъ шла Финляндія, и чтобы интеллигенція страны создала тѣ взгляды, которые будутъ ея вѣрой и догматами и за которые страна готова умереть. И я прибавлю, что одной изъ великихъ истинъ, которую интеллигенція призвана вѣдрить въ сознаніе страны, я считаю то изреченіе, которое я привелъ въ началѣ своей рѣчи: «сила въ Россіи не можетъ быть выше права».

Прекрасныя слова. Мало найдется людей, которые бы не подписались подъ ними. Думается намъ, что и члены правительства и всѣ граждане съ нормальнымъ умственнымъ развитіемъ отъ души пожелаютъ, чтобы интеллигенція сыграла ту роль, которую

предлагаетъ ей г. Милюковъ. Дѣйствительно, въ данномъ отношеніи наша интеллигенція многому могла бы научиться у финляндцевъ. Финляндцы были очень раздражены режимомъ 1898—1905 г.г., но намъ не приходилось слышать о финляндцахъ, развѣзжавшихъ по Европѣ съ цѣлью отмстить правительству подрывомъ кредита своего отечества. Пусть наша интеллигенція постарается не въ теоріи только, но и на практикѣ ввѣдрить въ народъ словами и собственнымъ примѣромъ чувство законности, пусть она будетъ проповѣдывать принципъ подчиненія закону даже тогда, когда законъ оказывается тяжкимъ и обременительнымъ, по древнеримскому положенію: «*dura lex, sed lex*».

Пусть, благодаря ея проповѣди, весь народъ проникнется уваженіемъ къ закону, съ верху до низу. Пусть она распространить сознаніе, что органы правительства только тогда будутъ строгими исполнителями закона, когда все общество будетъ воспитано въ духѣ законочитанія, ибо всѣ эти органы плоть отъ плоти и кость отъ кости общества. Пусть интеллигенція будетъ проповѣдывать проникновеніе началами національной государственности, государственнаго самосознанія и гордости. Можетъ быть, наше общество восприметъ отъ дряблости и усвоитъ себѣ принципъ, провозглашенный однимъ англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ: *right or wrong, my country* (права или неправа моя страна, она—моя).

Можетъ быть было бы хорошо кой чему научиться у финляндцевъ. Когда въ засѣданіяхъ сейма 1877—1878 г.г. два депутата высказали мнѣнія и внесли предложенія, несогласныя съ тѣми воззрѣніями на положеніе и права Финляндіи, которыя къ тому времени успѣли развиться и укорениться въ финляндскомъ обществѣ, отъ нихъ отвернулись ихъ сочлены и сочли ихъ отщепенцами. У насъ восхищаются рѣчами въ родѣ рѣчи г. Милюкова, радуются, что потрафили финляндцамъ. Въ Финляндіи убѣждены, что политическая свобода должна быть и можетъ быть соединена съ тѣмъ, что финляндцы называютъ неприкосновенной цѣльностью своего финляндскаго государства. У насъ далеко не всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что государственное единство и цѣльность могутъ сочетаться съ политической свободой и стойкимъ правопорядкомъ. Есть партіи, которыя думаютъ, что нераздѣльность и единство Имперіи должны быть принесены въ жертву политической свободѣ.

Когда Предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ, что въ Финляндіи въ отношеніи извѣстныхъ политическихъ проблемъ существуетъ полное единодушіе, что Верховная Власть имѣетъ дѣло не съ разрозненными силами, а съ единой сомкнутой силой народнаго правосознанія, плодомъ долготѣнихъ, систематическихъ усилій и ученій ея ученыхъ и публицистовъ, гг. Милюковъ и присные ему усмотрѣли въ этомъ указаніи какое то недоумѣніе или обвиненіе въ хитростныхъ операціяхъ какой то ученой клики, вмѣсто того, чтобы разглядѣть вопросъ, обращенный къ нашей интеллигенціи: что она сдѣлала, чтобы сплотить русскую націю въ сознаніи своего права на сохраненіе въ неприкосновенности наслѣдства, полученнаго отъ предковъ?

Говоря о поднявшейся въ Россіи волнѣ реакціи—реакціи русскаго патріотизма и русскаго національнаго чувства, говоря о томъ, что выразителемъ русскаго народнаго чувства являются народные представители, которые не могутъ отклонить отъ себя отвѣтственности за удержаніе державныхъ правъ Россіи, П. А. Столыпинъ сказалъ: «Да, господа, народы забываютъ иногда о своихъ національныхъ задачахъ, но, господа, такіе народы гибнутъ, они превращаются въ наземъ, въ удобреніе, на которомъ вырастаютъ и крѣпнутъ другіе болѣе сильные народы».

Самъ г. Милюковъ въ столь же сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о національномъ принципѣ въ жизни народовъ. Онъ сказалъ: «Вотъ, господа, какъ опасно прикасаться къ тому, что составляетъ жизненный интересъ, жизненный вопросъ существованія націи». Онъ говорилъ это по поводу столь тревожившихъ финляндцевъ слуховъ объ отдѣленіи отъ Финляндіи Выборгской губерніи, о возможности исправленія того политическаго шага Александра I, который его братомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ былъ названъ «политикой пеликана навыворотъ».

Не примѣнимы ли слова г. Милюкова и къ Россіи? Не подтвердилъ ли онъ, самъ не сознавая этого, словъ П. А. Столыпина о томъ, что Русская Государственная Дума должна стоять на стражѣ неприкосновенности державныхъ правъ Россіи, помня, что «отказъ отъ этихъ правъ нанесъ бы безпримѣрный ущербъ русской державѣ, а постепенная утрата, вслѣдствіе нашего національнаго слабосилія, или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиною лицемѣрія»...

Г. Милуковъ отвѣчаетъ проніей и ссылками на политическія ошибки и на неудачи. Мало того, онъ заявляетъ: «въ Финляндіи, г., мы явились не творческой силой, мы явились туда разрушительной силой». Мы позволимъ себѣ спросить историка Милукова: кто же создалъ Великое Княжество Финляндское? Ужъ не сами ли г. финляндцы, ужъ не они ли вели на свой страхъ и рискъ освободительную войну для отпаденія отъ Швеціи, а затѣмъ, по свободному выбору, поднесли корону Финляндіи Александру I? Можно весьма различно рассуждать о политикѣ эпохи 1898—1905 г.г., но произносить надъ всѣмъ, что сдѣлала Россія для Финляндіи, приговоръ: она была разрушительной силой—это уже чересчуръ... поэтично.

Затѣмъ Милуковъ, знакомый на этотъ разъ съ дѣломъ по опыту, спрашиваетъ Думу: «Я васъ спрашиваю—вѣдь разрушить не всегда легко?». Нѣтъ, г. Милуковъ, разрушить не всегда легко. Ваша партія въ 1905 и 1906 г. всѣ силы напрягла, чтобы разрушить Россію. Она изъ Выборга пустила въ русскій народъ ядовитую парфянскую стрѣлу (по выраженію пр. Герье), но сорвалось! Въ заключеніе рѣчи г. Милуковъ сказалъ: «Господа, взаимныя права, которыми вы обладаете, но котораго вамъ не даютъ выполнить, вамъ даютъ право, котораго вы не имѣете, даютъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вы его употребили для насилія. Въ ваши руки, злонамѣренно или безсознательно,—я не знаю,—вручаютъ этотъ хрупкій сосудъ, въ ваши руки отдають судьбу цѣлой націи, которая сильна тѣмъ, чѣмъ мы хотимъ быть сильны—сознаніемъ силы, права и законности. Съ этимъ впервые обращаются къ русскому народному представительству. Я вотъ и спрашиваю васъ еще разъ: неужели то, что не удалось совершить русскому Самодержавію—уничтоженіе беззащитной маленькой націи, неужели это будетъ первымъ положительнымъ дѣломъ конституціонной Россіи, русскаго народнаго представительства?».

Это обращеніе къ Думѣ лидера партіи «народной свободы» весьма характерно. Онъ опасается односторонняго расширенія компетенціи Думы въ ущербъ правамъ Финляндіи. Не думали члены партіи «народной свободы» о томъ, какъ бы Дума не зашла за предѣлы компетенціи, установленной закономъ, когда въ первыхъ двухъ Думахъ эта партія—руководящее большинство, когда то и дѣло она проявляла стремленіе расширить свою компетенцію, когда она «требовала амнистіи», когда она требовала смѣны министровъ,

обращалась къ народу съ воззваніемъ и рвалась къ правамъ учредительнаго собранія. Теперь лидеръ партіи задалъ новый тонъ. Не иди, Дума, за правительствомъ, которое предлагаетъ тебѣ новое право и зоветъ тебя къ новымъ обязанностямъ.

Какое же новое право, не находящееся въ рукахъ Думы, Предсѣдатель Совѣта Министровъ навязывалъ ей? Онъ не вносилъ еще никакого законопроекта, касающагося Финляндіи, онъ сказалъ: «Мы, господа, обращаемся къ вамъ не за жертвой; мы не требуемъ отъ васъ угнетенія другой, менѣ сильной народности,—нѣтъ, господа, правительство проситъ отъ васъ лишь вашей нравственной поддержки въ томъ дѣлѣ, которое оно считаетъ правымъ. Я увѣренъ, господа, что вы отвергнете запросъ, но вами, въ вашихъ русскихъ сердцахъ будутъ найдены выраженія, которыя заставятъ, побудятъ правительство представить на вашъ же судъ законопроектъ, устанавливающій способъ разрѣшенія нашихъ общихъ съ Финляндіею дѣлъ, законопроектъ, не нарушающій правъ маленькой Финляндіи, но ограждающій то, что намъ всего ближе, всего дороже—историческія державныя права Россіи».

Что здѣсь такого, что могло бы побудить члена русскаго народнаго представительства опасаться вторженія въ чужую, финляндскую сферу права? Ожиданіе, что Дума выразитъ желаніе замѣнить шаткія, неопредѣленные взаимоотношенія Россіи и ея автономной окраины твердыми и ясными правовыми нормами? Заявленіе, что правительство представитъ «на судъ» Думы законопроектъ, долженствующій регулировать эти взаимоотношенія? Предсѣдатель Совѣта Министровъ не предлагалъ Думѣ дать Финляндіи конституцію. Онъ заявилъ, что Дума имѣетъ право и обязанность участвовать въ опредѣленіи будущаго порядка рѣшенія общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ. Неужели этотъ порядокъ долженъ быть установленъ помимо Думы? Неужели и впредь всѣ вопросы, касающіеся Россіи и Финляндіи, должны рѣшаться въ тиши кабинетовъ, негласныхъ комиссій и совѣщаній? Нѣтъ, правительство желаетъ, чтобы этотъ сложный вопросъ, при рѣшеніи котораго придется считаться съ правовыми чувствами и воззрѣніями финскаго народа, былъ рѣшенъ открытымъ законодательнымъ путемъ. Представители «конституціонной демократической» партіи должны бы этому радоваться, ибо имъ будетъ дана полная возможность привести всѣ свои аргументы противъ правъ Россіи и за права Финляндіи, и не-

сомнѣнно, ихъ финляндскіе друзья помогутъ имъ въ этомъ дѣлѣ подготовкой матеріаловъ и нужныхъ доказательствъ. Придется устанавливать не только «процедуру» или только «перечень», но и то и другое вмѣстѣ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ заявилъ, что рѣшеніе этого вопроса состоится при участіи финляндскаго сейма. Это мѣсто его рѣчи опять признано туманнымъ. Про какое участіе сейма идетъ рѣчь? Про «рѣшеніе» сейма или про необязательное заключеніе? Просимъ г. Милюкова и товарищей выждать представленія законопроекта. Скажемъ имъ только одно: что озабочиваетъ правительство? Его озабочиваетъ вопросъ о томъ, какъ найти путь, идя по которому можно было бы предвидѣть исходъ дѣла, благопріятный для русскихъ государственныхъ интересовъ и державныхъ правъ Россіи. Предположимъ, что въ рѣшеніи вопроса будутъ участвовать на одинаковыхъ правахъ и имперскія законодательныя учрежденія и сеймъ. Если законопроектъ будетъ одинаково принятъ и Думой, и Совѣтомъ, и сеймомъ, тогда конечно все уладится самымъ лучшимъ образомъ. Но что, если имперскія законодательныя учрежденія примутъ законопроектъ, а сеймъ его отвергнетъ?

Можно указать на слѣдующій исходъ: распустить сеймъ и предложить новому сейму вновь рассмотреть проектъ. И можно это повторить нѣсколько разъ, пока, наконецъ, сеймъ не приметъ проекта. Финляндцы указываютъ, что въ ихъ политической жизни былъ примѣръ, когда сеймъ, послѣ первоначальнаго отказа, согласился съ требованіями Верховной Власти. Это случилось съ извѣстнымъ уголовнымъ уложеніемъ 1889 года.

Но предположимъ, что сеймъ не подчинится, что онъ все-вывнова будетъ отвергать проектъ. Развѣ можно столь важное дѣло (а рѣчь пойдетъ не о мелочныхъ вопросахъ) затягивать до безконечности? Вотъ этотъ случай, когда съ сеймомъ нельзя будетъ поладить, и имѣлъ въ виду Предсѣдатель Совѣта Министровъ, когда онъ говорилъ про преобладаніе державныхъ правъ Россіи. Нравственная поддержка со стороны русскаго народнаго представительства нужна правительству уже въ первомъ фазисѣ работъ для рѣшенія наболѣвшаго вопроса, дабы финляндцы знали, что имѣютъ дѣло не съ личными затѣями того или иного «бюрократа», а съ дѣломъ, которое поддерживается представителями русскаго народа. Такая нравственная поддержка будетъ факторомъ, могущимъ предупредить обостреніе угрожающаго въ будущемъ конфликта.

Г. Миллюковъ не довѣряетъ правительству вообще; въ частности онъ не вѣритъ въ искреннее желаніе его щадить права Финляндіи. Его недовѣріе основано, преимущественно, на словахъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ: «Имперія управляется объединеннымъ правительствомъ, которое отвѣтственно за все происходящее въ государствѣ». «Вотъ въ этихъ словахъ, говоритъ г. Миллюковъ, съ точки зрѣнія государственно-правовой и практической, заключаются величайшая ересь и величайшая опасность».

По нашему мнѣнію, опасность была бы налицо, если бы Имперія управлялась при содѣйствіи разъединеннаго правительства, которое ставило бы Монарха между двухъ огней. Монархъ—единое лицо; Его нельзя разрывать на двѣ несоприкасающіяся половины—одну финляндскую, одну русскую.

Въ самые важные моменты политической жизни Финляндіи Монархи всегда призывали къ совѣту своихъ русскихъ совѣтниковъ и, навѣрное, будутъ поступать такъ и впредь, несмотря на всѣ протесты финляндцевъ и ихъ здѣшнихъ друзей. Они будутъ взыскивать со своихъ русскихъ совѣтниковъ, если тѣ не съ достаточнымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что происходило и происходило въ 30 верстахъ отъ столицы Россійской Имперіи. Кто же долженъ быть отвѣтственнымъ за то, чтобы въ Финляндіи не совершалось что либо, что бы могло повредить интересамъ и правамъ Россіи? Министръ Статсъ-Секретарь? Онъ—финляндское должностное лицо. Генераль-губернаторъ? По мнѣнію финляндцевъ, и онъ финляндское должностное лицо. Сенатъ? Не ждите отъ него заботъ о русскихъ государственныхъ интересахъ. Если Совѣтъ Министровъ не будетъ ближайшимъ сотрудникомъ Монарха въ дѣлѣ охраны правъ и достоинства Россіи, тогда Монархъ останется безъ безусловно преданныхъ Ему и Россіи совѣтниковъ. Г. Миллюковъ можетъ быть увѣренъ, что ни онъ, ни его друзья, ни финляндцы не смогутъ воспрепятствовать Совѣту Министровъ исполнить свою священную обязанность: стоять на стражѣ чести, неприкосновенности и правъ Россіи и, если то окажется нужнымъ, подать свой совѣтъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся даже отдаленнѣйшей части Россійской государственной территоріи. Никакая сила въ мірѣ не воспрепятствуетъ Россійскому Монарху требовать совѣта и заключенія отъ тѣхъ лицъ, которыя пользуются Его личнымъ довѣріемъ. Если это не соотвѣтствуетъ теоріи г. Миллюкова или его финляндскихъ друзей,—тѣмъ хуже для ихъ теорій.

Отвѣтъ П. Н. Милюкову.

I.

Съ понятнымъ интересомъ началъ я читать отвѣтъ П. Н. Милюкова на мои статьи въ «Россіи» по поводу его рѣчи въ Гос. Думѣ 13 мая, но былъ очень разочарованъ. Я ждалъ болѣе убѣдительнаго, во всякомъ случаѣ, болѣе основательнаго отвѣта. Оказывается, что мой противникъ моихъ статей просто не понималъ, а затѣмъ окончательно запутался въ собственныхъ возраженіяхъ.

Понятно, я не могу надѣяться на то, что когда либо сойдуся съ П. Н. Милюковымъ въ пониманіи такъ называемаго финляндскаго вопроса. Для него право Финляндіи стоитъ выше права Россіи и, въ случаѣ коллизіи, Россія должна уступить Финляндіи. Для меня право Россіи стоитъ выше права Финляндіи и, въ случаѣ коллизіи, по моему мнѣнію, уступить должна Финляндія.

Я не вступлю въ препирательства съ П. Н. Милюковымъ по вопросу о роли и тактикѣ партіи «народной свободы». Ея дѣянія въ 1905, 1906 и 1907 г.г. всѣмъ извѣстны. Онъ ставитъ выборгскій манифестъ въ параллель съ пассивнымъ сопротивленіемъ финляндцевъ. Я не оправдываю пассивнаго сопротивленія финляндцевъ, но замѣчаю рѣзкое различіе между ихъ дѣйствіями и дѣйствіями партіи г. Милюкова и ея лѣвыхъ друзей. Финляндцы протестовали противъ примѣненія незаконнаго, по ихъ мнѣнію, устава о воинской повинности 1901 г. Противъ чего протестовали к.-д.? Противъ роспуска первой Думы? Противъ закона о воинской повинности 1874 г.? Противъ законовъ, на основаніи которыхъ взимаются въ Россіи налоги?

Члены и сторонники оппозиціи Финляндіи не подчинялись призыву, рискуя навлечь на себя уголовную кару. У насъ же сторонники и члены партіи народной свободы, согласно съ выборгскимъ манифестомъ, объявившимъ правительство некомпетентнымъ взимать налоги и зачислять рекрутъ въ армію,—преспокойно принимали (поскольку они были собственниками государственныхъ % бумагъ) изъ рукъ правительства платежи по % и (поскольку они состояли на государственной службѣ) казенное содержаніе. Одинъ изъ нихъ даже предсѣдательствовалъ въ воинскомъ присутствіи.

П. Н. Милуковъ пишетъ по моему адресу: «онъ не могъ забыть, что пишетъ въ «Россіи» и для «Россіи».

Я, съ своей стороны, никогда не сомнѣвался, что г. Милуковъ всегда помнитъ, что онъ пишетъ въ «Рѣчи» и для «Рѣчи».

Г. Милуковъ выставляетъ себя противникомъ государственныхъ переворотовъ и возвращается къ своему положенію, что «сфера государства есть сфера права». Я вижу въ этомъ повтореніи хорошаго слова рѣшительный отказъ не только отъ оправданія государственныхъ переворотовъ, но и отъ оправданія революціи и хочу вѣрить, что г. Милуковъ никогда не забудетъ своихъ словъ.

Перехожу, однако, къ отвѣтамъ на его возраженія по существу. Начну съ болѣе мелкихъ возраженій и постараюсь отвѣтить по возможности сжато.

1) Мой противникъ говоритъ: «Но я просилъ бы его самого, въ качествѣ несомнѣннаго знатока шведской и финской исторіи, указать мнѣ, откуда онъ заимствовалъ неизвѣстный даже специалистамъ фактъ, что въ 1800 г. «члены финляндскаго дворянства не пожелали прибыть на риксдагъ 1800 г., чтобы своимъ присутствіемъ не дать повода предполагать, что они признаютъ актъ 1789 г. конституціоннымъ закономъ?».

Для того, чтобы знать этотъ фактъ, не нужно быть специалистомъ. Для провѣрки моихъ словъ, однако, я не предложу П. Н. Милукову изучать архивы; я совѣтую ему взять въ руки одно изъ наиболѣе извѣстныхъ руководствъ по исторіи Финляндіи: сочиненіе Ирѣ-Коскинена «Финская исторія»... (Для прочтенія его не нужно знать ни шведскаго, ни финскаго языковъ, ибо имѣется и нѣмецкій переводъ). На стр. 524 нѣмецкаго перевода г. Милуковъ прочтетъ слѣдующее: «Многіе (рѣчь идетъ о дворянахъ) не прибыли по той причинѣ, что они не желали своимъ присутствіемъ какъ бы утвердить Актъ Соединенія и Безопасности, да кромѣ того и раннее время года помѣшало финнамъ. Что, впрочемъ, финляндское дворянство было до крайности возмущено и заговорило объ отмѣнѣ Акта Соединенія и Безопасности,—было дѣломъ, извѣстнымъ даже въ Петербургѣ, и Императоръ Павелъ I предложилъ шведскому посланнику военную помощь на тотъ случай, если во время риксдага объявятся матежническія движенія въ Финляндіи».

2) Г. Милуковъ упрекаетъ меня въ томъ, что я при оцѣнкѣ взглядовъ финляндцевъ въ 1808 г. (наканунѣ рѣшенія вопроса о

созывѣ Сейма въ Борго) руководствовался сочиненіемъ Ордина и благодаря этому отнесся тенденціозно къ объясненію фактовъ 1809 г. и настроенія финляндцевъ.

Я вовсе не держался и не держусь воззрѣній Ордина, а слѣдую изложенію Даніельсона и Кастрена. Такъ какъ г. Милуковъ ссылается на Даніельсона, то я предложилъ бы ему внимательно прочесть цитируемую имъ книгу этого финляндскаго ученаго («Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою». 1890 г., стр. 75, 76, 77 и 78). Прошу обратить вниманіе на примѣчаніе къ стр. 78, гдѣ сказано: «Въ своихъ мемуарахъ бывшій предсѣдатель депутаціи объясняетъ, что онъ считалъ созваніе сейма преждевременнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, и до заключенія мира и пока страна не уступлена по мирному договору, мало можно было достигнуть въ отношеніи измѣненія организаціи и упроченія положенія въ будущемъ». Мотивъ, какъ можетъ убѣдиться г. Милуковъ, болѣе политическій, нежели этический.»

Прошу моего противника обратить вниманіе еще на слѣдующій общеизвѣстный фактъ. Остатки финскихъ войскъ и послѣ боргоскаго сейма продолжали сражаться противъ войскъ Императора Александра I. Воспѣтый Рунебергомъ герой Дункеръ палъ въ сраженіи при Хернефорсѣ 5 іюля 1809 г. Если въ 1809 г. въ Борго Александромъ I по соглашенію съ финляндцами было установлено финляндское государство, то противъ кого же сражались финляндцы въ іюль 1809 г.? Если я указываю на государственно-правовую шаткость тѣхъ основъ, на которыхъ дѣйствовали Александръ I и финляндцы на сеймѣ въ Борго, то не потому, чтобы объявить обѣщанія Александра I не имѣющими правовой силы, а потому, что я не признаю возможнымъ боргоскій сеймъ (а также Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г.) выставить въ качествѣ примѣровъ или доказательствъ непрерывной преемственности права въ Финляндіи.

Г. Милуковъ говоритъ: «Послѣ успѣховъ русскаго оружія Финляндія была фактически потеряна для Швеціи. По соглашенію въ Ольки-юкки 19 ноября 1808 г. шведско-финская армія обязывалась очистить Финляндію и отступить за Кенъ. Тогда, въ ожиданіи мира, населеніе подчинялось призыву русскаго Императора, а по статьѣ 6 фридрихсгамскаго договора шведскій король санкціонировалъ отношенія, установившіяся на сеймѣ между Россіей и Финляндіей. Послѣ этого, казалось бы, всѣ «конституціонныя» и

«международныя» сомнѣнія моего добродѣтельнаго критика въ законности боргоскаго сейма и въ обязательности его рѣшеній должны были умолкнуть».

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что въ государственной наукѣ существуетъ положеніе, что захватъ всей государственной территоріи даетъ завоевателю право объявить себя ея сувереномъ и опредѣлить ея новый правовой строй. Но въ 1808—1809 г. этого условія не было налицо. Александръ I не занялъ всей территоріи королевства Швеціи, а лишь 6 ея провинцій, составляющихъ часть нынѣшняго Великаго Княжества Финляндскаго, и я остаюсь при своемъ мнѣніи, что онъ сталъ сувереномъ финляндскихъ своихъ завоеваній не въ мартѣ 1809 г., а лишь въ сентябрѣ 1809 г., въ день заключенія фридрихсгамскаго мирнаго трактата. Государственно-правовая шаткость его рѣшеній 1809 г. чувствовалась имъ самимъ, иначе онъ бы не счелъ необходимымъ «паки подтвердить» автономію Финляндіи въ манифестѣ 1816 г.

Затѣмъ я обращаю вниманіе моего противника еще на одно обстоятельство, которое обыкновенно упускается изъ вниманія защитниками взгляда, что въ 1809 г. автономія Финляндіи установлена путемъ соглашенія Александра I съ земскими чинами Финляндіи. Если даже признать, что въ 1809 г. заключенъ «договоръ», то этотъ «договоръ» не можетъ касаться ни той части Вестерботніи, которая до 1809 г. никогда не входила въ составъ Финляндіи, а уступлена въ фридрихсгамскомъ трактатѣ, ни такъ называемой «Старой Финляндіи», завоеванной и инкорпорированной въ 1721 и 1743 г.г. Перечисленіе этой части Финляндіи въ составъ управленія нынѣшняго Великаго Княжества было единоличнымъ актомъ Монаршаго Верховнаго управленія въ 1811 г.

Г. Милюковъ вѣроятно подумаетъ, что я и въ данномъ случаѣ желаю стать на точку зрѣнія ветхозавѣтнаго Іова и сказать: кто далъ, тотъ и можетъ взять. Я его успокою. Я отнюдь не сторонникъ отдѣленія Выборгской губерніи отъ Финляндіи, по соображеніямъ, на которыхъ въ данную минуту остановиться не считаю возможнымъ.

3) Приходится опять коснуться самой рѣчи П. Н. Милюкова. Онъ говорилъ о ст. 6 фридрихсгамскаго трактата и усмотрѣлъ въ ней какъ бы международно-правовую гарантію государственной автономіи Финляндіи.

Означенная 6 статья гласитъ (французскій оригиналъ):

«Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, ayant donné déjà

les preuves les plus manifestes de la clémence et de la justice, avec lesquelles Sa Majesté a résolu de gouverner les habitants des pays qu'Elle vient d'acquérir, en les assurant généreusement et d'un mouvement spontané du libre exercice de leur religion, de leurs droits de propriété et de leurs privilèges, Sa Majesté Suédoise se voit par la dispensée du devoir d'ailleurs sacré, de faire des réservations là-dessus en faveur de Ses anciens sujets».

Какъ явствуесть изъ приведеннаго текста статьи 6-й, въ ней нѣтъ ни слова о государственной автономіи Финляндіи, а говорится только: 1) о религіи, 2) о собственности и 3) о привилегіяхъ.

Предлагаю г. Милюкову сравнить эту статью со ст. 9 и 10 мирнаго трактата въ Нистадѣ 1721 г. и ст. 8 и 9 мирнаго трактата въ Або 1743 г., и онъ убѣдится, что въ фридрихсгамскомъ трактатѣ русская Верховная Власть связала себя по отношенію къ Финляндіи не въ большей, а въ меньшей степени, нежели въ 1721 и 1743 г.г. въ отношеніи двухъ балтійскихъ губерній: Лифляндіи и Эстляндіи и въ отношеніи такъ называемой Старой Финляндіи.

Автономія Финляндіи есть внутреннее дѣло Россіи и только.

4) Г. Милюковъ говоритъ: «... въ такія отдаленныя времена, какъ 1616 г., еще былъ въ силѣ шведскій Landslag 1442 г. и что, по принципамъ шведскаго стародавняго права, нельзя было издавать новыхъ законовъ безъ согласія каждой отдѣльной «области». Новая идея о центральномъ общегосударственномъ собраніи—идея риксдага еще только вырабатывалась тогда, и никакой обязательной высшей инстанціи надъ ландтагомъ 1616 г. не могло существовать». Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Въ моментъ, когда созваны были въ 1809 г. «государственные чины» Финляндіи, де-Геръ счелъ умѣстнымъ указать ихъ предшественника не въ одномъ изъ сравнительно недавнихъ «провинціальныхъ» сеймовъ, а именно въ стародавнемъ гельсингфоргскомъ ландтагѣ 1616 г., собравшемся раньше всякаго централистическаго законодательства, а стало быть, имѣвшемъ несомнѣнное верховно-государственное значеніе для своей области». Онъ спрашиваетъ меня, не согласусь ли я съ нимъ послѣ этихъ разъясненій, что ссылка де-Гера имѣла политическій смыслъ, прямо противоположный тому, который я ему приписываю? Нѣтъ,—послѣ этихъ разъясненій я только могу сказать: «O si tacuisses, philosophus mansisses!».

Въ эпоху Густава-Адольфа идея риксдага, какъ идея о центральномъ общегосударственномъ собраніи, еще только «вырабаты-

валась»! И это говорится про 1616 г., т. е. про канунъ изданія устава о риксдагѣ 1617 г., согласно съ которымъ организовался сеймъ въ Борго 1809 г.!

Ахъ, г. Милуковъ! Осторожно ли это? Особенно для историка?!

«Стародавній» гельсингфорскій сеймъ собирался также одинъ разъ, въ 1616 г. Прочтите сочиненія Коскинена, Шюбергсона, Варанена, Наумана и Сведелиуса, и вамъ нетрудно будетъ убѣдиться, что въ XVII ст., уже въ первой его четверти, провинціальныя сеймы не имѣли болѣе верховно-государственнаго значенія для своей области.

Кстати, вы также ознакомитесь съ программой сейма и увидите, что онъ занимался вопросами о доставленіи вооруженной и финансовой помощи королю въ борьбѣ съ Москвой, а не изданіемъ законовъ.

Де-Геръ сослался на этотъ сеймъ потому, что онъ былъ до 1809 г. *единственнымъ* полнымъ, всесловнымъ провинціальнымъ сеймомъ, т. е. сеймомъ, въ которомъ приняли участіе представители всѣхъ четырехъ сословій, а не только одного или двухъ, какъ это имѣло мѣсто на другихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Александръ I расширилъ компетенцію ландтага, далъ ему право участія въ мѣстномъ законодательствѣ, и въ виду этого я и могъ сказать, что онъ далъ финляндцамъ болѣе, чѣмъ они когда либо имѣли въ шведское время.

Г. Милуковъ говорить: «Можно быть очень большимъ либераломъ и даже радикаломъ, и просто не знать фактическаго положенія, на которомъ должны основываться государственныя предначертанія».

Вотъ въ этомъ я вполнѣ согласенъ съ г. Милуковымъ...

II.

5) Совершенно напрасно г. Милуковъ полагаетъ, что я отрицаю Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. въ качествѣ фундаментовъ основныхъ законовъ Финляндіи. Я ихъ признавалъ таковымъ фундаментомъ и во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ и въ моихъ статьяхъ нѣтъ ни одного слова, которое дало бы моему противнику право вмѣнять мнѣ мнѣніе, будто эти акты не имѣютъ никакой правовой силы. Въ рѣчахъ и актахъ Александра I нѣтъ

прямыхъ ссылокъ на эти законы, но зато таковыя ссылки имѣются въ повелѣніяхъ и официальныхъ актахъ царствованій Императоровъ Александра II и III. Эти законы, однако, имѣютъ значеніе только въ качествѣ нормъ, регулирующихъ внутреннюю жизнь Финляндіи. Г. Милюковъ, а также его финляндскіе и русскіе единомышленники упорно не желаютъ замѣтить одного, что эти законы не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе не только къ одной Финляндіи, но и къ Россіи. Странно, по моему мнѣнію, не признавать, *что въ дѣлахъ русско-финляндскихъ русскіе законы не должны имѣть по крайней мѣрѣ такое же значеніе, какъ и финляндскіе.*

По моему мнѣнію, какъ я уже замѣтилъ выше, въ случаѣ коллизіи между финляндскими и русскими основными законами рѣшающее значеніе нужно признать за русскими законами, а не за финляндскими. Но здѣсь я касаюсь опять той области, въ которой мнѣ нѣтъ возможности придти къ соглашенію съ моимъ противникомъ, и всякій споръ оказывается безплоднымъ.

Не стану останавливаться на передержкахъ, которыя позволилъ себѣ г. Милюковъ въ полемикѣ со мной, хотя бы на томъ, будто я сказалъ, что Александръ I, созвавъ сеймъ за 6 мѣсяцевъ до заключенія мира, совершивъ дѣйствіе, не согласное съ нормами права государственнаго и международнаго, заранее освободилъ себя отъ обязанности подчиняться его рѣшеніямъ.

Другой вопросъ, поскольку Александръ I дѣйствительно сообразовался съ постановленіями сейма въ Борго, поскольку нѣтъ.

Я уже выше указалъ на манифестъ 1816 г., какъ на безспорное въ государственно-правовомъ отношеніи подтвержденіе дарованной Финляндіи автономіи. И если бы даже и не этотъ манифестъ, то волепроявленія на этотъ счетъ Императора Александра II не оставляютъ никакого сомнѣнія въ признаніи Русской Верховной Властью автономіи Финляндіи. Но все сызнова приходится повторять, что кромѣ внутреннихъ дѣлъ финляндскихъ имѣются еще дѣла русско-финляндскія, общегосударственныя, которыя выходятъ за предѣлы автономіи и для которыхъ непременно долженъ быть установленъ особый порядокъ подготовленія, обсужденія и рѣшенія.

Г. Милюковъ не отрицаетъ, что «въ взаимныхъ отношеніяхъ Финляндіи и Имперіи существуетъ пробѣлъ». Но онъ прибавляетъ, что пробѣлъ этотъ «не можетъ быть заполненъ ни признаніемъ имперскихъ учрежденій высшей инстанціей надъ финляндскими,

ни введеніемъ «абстрактнаго» термина «Россійскаго Государства», объединяющаго «Империю» и Финляндію, ни созданіемъ общихъ органовъ, соотвѣтствующихъ этой мнимой высшей государственной единицѣ, какъ, напримѣръ, «делегаціи» служатъ органомъ объединенной Австро-Венгріи».

Г. Милюковъ меня упрекаетъ въ томъ, что я не только не разрѣшилъ, но даже и не понялъ «сложной политической проблемы», имъ поставленной. Успокойтесь, г. Милюковъ, не вы поставили эту «сложную политическую проблему». Вы повторяли то, что неоднократно писалъ и говорилъ проф. Германсонъ, и во всей вашей рѣчи нѣтъ ни одного довода, ни одного оригинальнаго аргумента въ пользу теоремъ вашихъ финляндскихъ совѣтниковъ.

Финляндская радикальная газета «*Framtid*» (enfant terrible финляндской прессы, уже неоднократно пробалтывавшаяся), въ № 21—22 отъ 5 іюня 1908 г., коснувшись рѣчи г. Милюкова и поблагодаривъ его за его критику рѣчи г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ, пишетъ: «Однако, и г. Милюковъ остановился на полдорогѣ. И онъ одержимъ предразсудкомъ о необходимости новаго «государственнаго законодательства». И хотя онъ доказалъ, что онъ удивительно хорошо смогъ скомбинировать факты и слѣдовать указаніямъ, полученнымъ имъ отъ его финляндскихъ конституціонныхъ друзей, въ распоряженіе коихъ, несомнѣнно, онъ великодушно себя поставилъ, тѣмъ не менѣе замѣтно, что и его рѣчь стояла подъ давленіемъ того же паническаго страха» («*Framtid*» говоритъ о паникѣ, каковую произвело въ средѣ финлянцева извѣстіе о финляндскомъ запросѣ въ Думѣ).

Въ концѣ своей первой статьи («Рѣчь» № 146) г. Милюковъ пишетъ: «Если бы я держался мнѣній, что отношенія Россіи и Финляндіи должны быть основаны на началѣ федераціи или хотя бы на началѣ реальной уніи двухъ равно суверенныхъ государствъ, то я бы, въ свою очередь, «привѣтствовалъ» моего критика. Но такъ какъ вопросъ гораздо сложнѣе и тоньше, то я ограничусь констатированіемъ того, что мой критикъ даже не сумѣлъ поставить вопроса».

Жаль! Тонкому уму г. Милюкова, несомнѣнно, ничего бы не стоило въ двухъ словахъ рѣшить «тонкій» и «сложный» вопросъ и научить и другихъ малосвѣдующихъ людей, въ томъ числѣ и

меня, его пониманію. Теперь же придется и впредь блуждать въ потемкахъ, не имѣя въ рукахъ свѣточа милюковскаго ума.

Я, грѣшный человѣкъ, не считаю поставленнаго г. Милюковымъ вопроса ни столь сложнымъ, ни столь тонкимъ, ибо, не смотря на авторитетъ Іеллинека, Бри и другихъ западно-европейскихъ ученыхъ, я не признаю Финляндіи государствомъ, а считаю ее нераздѣльною частью русскаго государства, въ составѣ котораго она пользуется широкой политической автономіей. Я въ данномъ отношеніи держусь тѣхъ взглядовъ, которыхъ держались многіе финляндцы (и ученые и неученые) до конца 50-хъ годовъ XIX ст. По моему мнѣнію, съ конца 50-хъ годовъ во взаимоотношеніяхъ Россіи и Финляндіи ничего не измѣнилось, несмотря на изданіе сеймовыхъ уставовъ 1869 и 1906 г.г. Организациа финляндскаго народнаго представительства измѣнена, но въ матеріальномъ отношеніи «конституція» Финляндіи отъ этого не измѣнилась. Меня не смущаетъ и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ официальныхъ актахъ и секретныхъ докладахъ (напр. Сперанскаго) въ отношеніи Финляндіи на ряду съ терминомъ «провинція» или «край» употребляется слово «государство». Мнѣ, и несомнѣнно и г. Милюкову, хорошо извѣстно, что слово «государство», въ особенности въ началѣ XIX ст., употреблялось и въ Пруссіи, и въ Австріи, въ отношеніи напр. Помераніи, Силезіи, Восточной Пруссіи, Богеміи, Тироля,—и что, тѣмъ не менѣе, государствами ихъ признать нельзя.

А разъ я Финляндію не признаю государствомъ, то для меня внѣ спора вопросъ о необходимости установленія точнаго и опредѣленнаго порядка рѣшенія общегосударственныхъ законодательныхъ и административныхъ вопросовъ. Первые, сообразно съ новыми условіями политической жизни Россіи, должны рѣшаться не въ негласныхъ *ad hoc* учреждаемыхъ комитетахъ, а въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ. Вторые должны быть рѣшены не иначе какъ при участіи Совѣта Министровъ. Какую форму должно принять участіе финляндскихъ учреждений (сейма и сената)—это другой вопросъ, на которомъ останавливаться въ данную минуту я не считаю возможнымъ. Прибавляю, что я не могу себѣ представить общегосударственнаго законодательства безъ точно опредѣленнаго перечня вопросовъ, входящихъ въ его сферу. «Процедура» и «перечень», по моему мнѣнію, неразрывно другъ съ другомъ связаны и не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга.

III.

6) Перехожу къ тому, что г. Милюковъ говорить о «комитетахъ» и «комиссіяхъ». Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я «придираюсь» къ «неточностямъ», «неизбѣжнымъ» при такой характеристикѣ, какую онъ далъ, говоря о комиссіяхъ и комитетахъ, что я совершенно упустилъ изъ виду общую мысль, на которой былъ-де основанъ его анализъ комитетской дѣятельности. Упрекъ этотъ вполне мной незаслуженъ. Я очень хорошо понималъ руководящую мысль всей его рѣчи: она заключалась въ томъ, чтобы доказать, что со стороны финляндцевъ все было сдѣлано, чтобы придти къ мирному и разумному рѣшенію спора, и что всегда русскіе своимъ упрямствомъ или неблагоразуміемъ мѣшали этому. Эта мысль проводится всегда и гг. финляндцами и ихъ русскими друзьями. Они, финляндцы, чисты и невинны, какъ ангелы небесные, а русскіе ихъ противники (за исключеніемъ, конечно г. Милюкова, к.-д. и ихъ лѣвыхъ друзей) «заклеймены неправдой черной». И если финляндскій вопросъ вообще существуетъ и ставится на очередь, то это исключительно по винѣ такихъ мракобѣсовъ и антагонистовъ различныхъ отгѣнковъ, какъ Ординъ, Бородинъ, Сергѣевскій и вашъ покорный слуга; безъ нихъ не было бы и финляндскаго вопроса.

Удивляюсь одному, какъ могъ г. Милюковъ, защитникъ Финляндіи, посоветовать прочесть новѣйшую книгу М. М. Бородинна. Кто прочтетъ этотъ капитальный трудъ, тотъ убѣдится только въ одномъ—въ некорректныхъ поступкахъ Министра Статсъ-Секретаря графа А. Армфельта и комитета финляндскихъ дѣлъ въ 1864 г. Онъ усмотритъ, что ни предположенія комитета, ни выработанныя имъ программы не были сообщены, до всеподданнѣйшаго доклада, на заключеніе генераль-губернатора; ему не было сообщено о Высочайшемъ утвержденіи этихъ программъ. Узнавъ о ихъ существованіи и, естественно, интересуясь ихъ содержаніемъ, баронъ Рокассовскій поручилъ своему начальнику канцеляріи Моландеру извѣстить директора канцеляріи статсъ-секретаріата Степанова, что генераль Рокассовскій желаетъ получить Высочайше утвержденную программу для комиссіи Норденстамма. Эта программа была сообщена генераль-губернатору только послѣ доклада его просьбы Государю и послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія сообщить программу генераль-губернатору.

Г. Милюковъ говоритъ «...стоитъ вспомнить, что отдѣльныя части утвержденной Императоромъ программы были въ послѣдствіи осуществлены, чтобы убѣдиться, что мои выраженія лучше подходятъ къ тому, что въ дѣйствительности произошло».

Я просилъ бы г. Милюкова указать, *что* изъ пунктовъ программы Норденстамма было въ послѣдствіи осуществлено?

Въ словахъ г. Милюкова столько «неточностей», что я прихожу къ убѣжденію, что онъ не читалъ книги Бородинъ, на которую онъ ссылается, что онъ едва ли знакомъ съ программой, о которой идетъ рѣчь, и что онъ, наконецъ, не знаетъ ничего про періодически повторявшіяся попытки сейма вторгнуться въ сферу Монаршихъ прерогативъ и про неоднократный отпоръ, данный Императоромъ Александромъ II.

Далѣе г. Милюковъ говоритъ: «на программу 1864 г. я указалъ, конечно, лишь, какъ на *начало* финляндскихъ попытокъ точно опредѣлить компетенцію финляндскихъ учреждений».

Я повторяю: г. Милюковъ незнакомъ ни съ программой, ни съ проектомъ комитета 1864 г., ибо иначе онъ бы зналъ, что въ 1864 г. вопросъ объ отграниченіи общегосударственнаго законодательства отъ финляндскаго вовсе не поднимался; о немъ тогда и рѣчи не было.

Ну, что бы стоило г. Милюкову обратиться къ своимъ финляндскимъ друзьямъ и попросить ихъ доставить ему труды комитетовъ и совѣщаній Норденстамма, Вейсенберга, гр. Гейдена и Бунге (да заодно и труды комиссіи Таганцева, съ которыми онъ, очевидно, тоже незнакомъ). Вѣдь если правительство внесетъ въ Думу проектъ правилъ объ изданіи общегосударственныхъ законовъ—ему, какъ лидеру оппозиціонной партіи, придется играть роль не поэта въ области цитатъ и ссылокъ, а члена русскаго народнаго представительства.

Посмотрите, что онъ говоритъ про Таганцевскую комиссію! «Въ эту послѣднюю финляндцы пришли между прочимъ съ «перечнемъ» совершенно иного характера, чѣмъ тотъ, который приведенъ моимъ критикомъ по матеріаламъ комиссіи Бунге».

Нѣсколько раньше, говоря о томъ, какъ обострился вопросъ о разграниченіи сферъ законодательства имперскаго и финляндскаго и приобрѣлъ важное политическое значеніе благодаря тому, что съ русской стороны поднять былъ вопросъ объ установленіи особой процедуры для созданія законовъ, общихъ для Финляндіи

и Имперіи, онъ пишетъ: «*Такъ стоялъ вопросъ, дѣйствительно, лишь въ комиссіи Бунге; такъ онъ стоялъ и въ Таганцевской комиссіи 1904 г.*» (курсивъ мой). Нѣтъ, г. Милюковъ, въ комиссіи Таганцева онъ стоялъ совершенно иначе.

Уже одно названіе комиссіи указываетъ на это: «*Подготовительная комиссія по разграниченію общегосударственного и мѣстнаго финляндскаго законодательства*». Въ ней шла рѣчь только о разграниченіи, о перечнѣ, а не о «процедурѣ» (какъ въ комиссіи Бунге). По мнѣнію двухъ русскихъ членовъ, она не имѣла даже права касаться вопроса о «процедурѣ».

Коснусь вкратцѣ исторіи возникновенія Таганцевской комиссіи, чтобы доказать, что финляндцы, вопреки мнѣнія г. Милюкова, не имѣли никакихъ основаній сводить ее на нѣтъ.

Она возникла по почину финляндскаго Сената, тсго суометаріанскаго сената, надъ которымъ такъ глумятся т. н. конституціоналисты-финляндцы.

Дѣло началось въ 1902 г. По Высочайшему повелѣнію отъ 13 сентября 1902 г., Сенатомъ была образована особая комиссія въ составѣ 7 лицъ для составленія проекта о разграниченіи общегосударственного и особаго финляндскаго законодательства. Эти лица не могли придти къ согласному заключенію и выработали два проекта всеподданнѣйшаго представленія о разграниченіи общегосударственного и особаго финляндскаго законодательства: одинъ отъ имени большинства 4 членовъ (Гуммерусъ, Югансонъ, Бореніусъ и Даніельсонъ), а другой отъ имени меньшинства 3 членовъ (Энебергъ, Окерманъ и Форсель).

Кромѣ того изъ числа большинства, 3 члена комиссіи (Бореніусъ, Югансонъ и Даніельсонъ) подали особыя мнѣнія, въ коихъ высказались противъ отнесенія къ предметамъ общеимперскаго законодательства правилъ о монетной системѣ въ Финляндіи. Комиссія Таганцева была учреждена 19 октября 1904 г., для обсужденія этихъ сенатскихъ предположеній.

Финляндцы въ 1904 г. считали учрежденіе ея большимъ успѣхомъ, радовались ея созыву, по словамъ мѣстныхъ газетъ, какъ «разсвѣту предъ наступленіемъ дня», и «надеждѣ на болѣе свѣтлыя времена».

Каковъ же былъ перечень дѣлъ общегосударственныхъ, составленныхъ сенатской комиссіей?—Только въ проектѣ меньшинства въ число дѣлъ введенъ безъ оговорокъ законъ о воинской повин-

ности въ Финляндіи, о металлической монетѣ, о почтѣ и телеграфѣ, о таможенной системѣ. Въ проектѣ большинства имѣются весьма серьезныя оговорки въ пользу неизмѣнной компетенціи финляндскаго учрежденія. Затѣмъ: изъ 17—10 сходятся въполнѣ съ перечнемъ, внесеннымъ финляндскими членами въ совѣщаніе Бунге.

Что касается проекта, внесеннаго уже въ Таганцевскую комиссію ея 6 финляндскими членами, то онъ, въ § 2, трактуетъ о порядкѣ престолонаслѣдія, въ § 3—о вопросахъ о войнѣ и мирѣ, о договорахъ съ иноземными государствами, § 4—о православной церкви въ Финляндіи и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ русскаго государственнаго казначейства, и объ общемъ телеграфѣ, т. е. о дѣлахъ, никогда не входившихъ въ сферу компетенціи финляндскаго сейма.

Монетная система (§ 5) остается исключительно въ сферѣ сеймовой компетенціи.

§§ 6 и 7 касаются закона о воинской повинности, при чемъ сдѣланы весьма серьезныя оговорки въ пользу компетенціи сейма.

Излагать ходъ совѣщаній Таганцевской комиссіи я не буду; скажу только одно, что со стороны русскихъ членовъ было сдѣлано все, чтобы идти, по возможности, навстрѣчу желаніямъ и доводамъ финляндскихъ членовъ.

И чѣмъ дѣло кончилось? Финляндскіе члены въ ноябрѣ 1905 г. отказались отъ дальнѣйшаго участія въ работахъ комиссіи и подали всеподданнѣйшія прошенія объ освобожденіи отъ возложенныхъ на нихъ порученій.

Финляндскій Сенатъ «въ виду отпаденія причинъ, послужившихъ поводомъ къ назначенію комиссіи», поддержалъ ихъ просьбу и всеподданнѣйше донесъ, что, по его мнѣнію, «назначеніе новыхъ членовъ на мѣсто выбывшихъ, по вышеозначеннымъ доводамъ, не представляется необходимымъ».

Г. Милюковъ признаетъ, что финляндцы поступили въполнѣ правильно. Раньше онъ говорилъ, что финляндцы стояли всегда за составленіе перечня, а когда была учреждена комиссія для составленія перечня, то оказывается, что они правильно отказались отъ участія въ его составленіи!

По моему же мнѣнію, они поступили въполнѣ неправильно и правъ былъ предсѣдатель комиссіи, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заявивъ, въ письмѣ отъ 18 декабря 1906 г. на имя Министра

Статсъ-Секретаря, что въ теченіе 1905—1906 гг. не состоялось ни одного закона, который бы дѣлалъ излишнимъ возложенное на комиссію порученіе. Измѣнились лишь условія ея дѣятельности, такъ какъ послѣдовавшая за эти три года реформа Имперскихъ законодательныхъ учрежденій устраняетъ возможность сохранить прежній порядокъ общегосударственнаго законодательства, начертанный въ актѣ 3 февраля 1899 г., и требуетъ замѣны его новымъ порядкомъ, о чемъ и возвѣщено Высочайшимъ Манифестомъ 6 августа 1905 г. и 20 февраля 1906 г. Должна измѣниться «процедура», но необходимость «перечня» не миновала и отношеніе къ дѣлу Сената и финляндскихъ членовъ остается загадочнымъ, кажется, загадочнымъ для самихъ финляндцевъ, ибо въ концѣ 1907 г. и февралѣ 1908 г. самъ Сенатъ заговорилъ о необходимости учредить комиссію для обсужденія спорныхъ вопросовъ.

Понятно, если теперь здѣсь, въ Россіи, относятся скептически къ участию финляндцевъ въ такой смѣшанной комиссіи, не имѣя увѣренности, что гг. финляндцы и во второй разъ не уйдутъ во свояси, не исполнивъ возложеннаго на нихъ Монархомъ порученія.

Что касается того, что г. Милюковъ сказалъ про отношеніе статсъ-секретаріата къ «кореннымъ законамъ» Финляндіи, то я ему отвѣчу особо, ибо придется заравъ возразить и на критику иныхъ болѣе освѣдомленныхъ оппонентовъ.

Матеріали по вопросу о порядкѣ изданія касающихся
Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія.
С.-Петербургъ. Государственная Типографія. 1910.

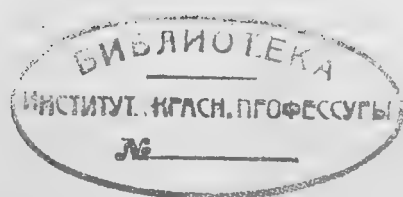
На страницѣ 313

напечатано:

Основныя положенія русскихъ Членовъ Коммисіи.	Основныя положенія финлянд- скихъ Членовъ Коммисіи.
--	--

слѣдуетъ читать:

Основныя положенія финлянд- скихъ Членовъ Коммисіи.	Основныя положенія русскихъ Членовъ Коммисіи.
--	--

Берендтсъ, Э. Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Краткій обзоръ финансовъ В. Кн. Финляндскаго. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго. 2 тома. Спб. 1903.

Behrendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere, Rede, gehalten am 14. I. 1907, St. Petersburg 1907.

Бородинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра I. Спб. 1909.

Бородинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II. Спб. 1908.

Бородинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Вобрикова. Спб. 1905.

Бородинъ, М. Финляндія въ русской печати. Библиографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи. Спб. 1902.

Бородинъ, М. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьи. Спб. 1904.

Condition juridique de la Finlande. Paris. 1902.

Евреиновъ, Г. А. Национальные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.

Ewreinoff, G. Zur finnischen Frage. Spb. 1909.

Еленевъ, Ѳ. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.

Elénew, Th. Les prétentions des séparatistes finlandais. Paris. 1895.

Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908.

Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Вел. Кн. Финляндскаго, т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.

Корево, Н. Н. Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи»), № 4 (стр. 23 и слѣд.). Спб. 1907.

Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая лѣтопись. 1891 г. № 1.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892.

Липранди, А. П. (Волынецъ, А.). Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909.

Le revers de la révolution. L'insurrection en Russie, armée aux frais du Japon. Edition du journal «Golos Prawdy» St.-Petersbourg 1909.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

- Мессарошъ, П. И.** Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.
- Ординъ, К. Ф.** Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.
- Ординъ, К. Ф.** Покореніе Финляндіи. 2 тома съ картою Финляндіи. 1889 г. (первое изданіе).
- Ординъ, К. Ф.** Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I.—Исслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя, Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III—второе изданіе «Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II томѣ. Спб. 1909.
- Osten-Sacken, Baron Wolf von der.** Die Staatsrechtliche Stellung des Grossfürstenthums Finnland im Russischen Reiche. Tübingen. 1909.
- Osten-Sacken, Baron Wolf von der, dr.** Russland und Finnland. Zur Kritik der Bornhakschen Construction des staatsrechtlichen Verhältnisses. St. Petersburg 1910.
- Петровский, С.** Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго «Финляндскаго вопроса». Москва. Выпускъ I—1891, вып. II—1894, вып. III—1897.
- Румянцевъ, А.** Финляндія вооружается! Союзъ «Сила» («Voima»). Спб. 1907.
- Рейнъ, Т.** Юганъ Вильгельмъ Снелъманъ. Историко-біографическій очеркъ, сокращенный переводъ со шведскаго. Спб. 1903.
- Сергѣевскій, Н. Д.** Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.
- Сергѣевскій, Н. Д.** Сеймовый уставъ Вел. Кн. Финляндскаго. Библіотека Окраинъ Россіи, № 1. Спб. 1907.
- Сергѣевскій, Н. Д.** Финляндское уголовное уложеніе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2. 1907.
- Сергѣевскій, Н. Д.** Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ—1908 года. Библіотека Окраинъ Россіи, № 6. Спб. 1908.
- Смирнова, С.** Угнетенная страна. Замѣтки о Финляндіи. Спб. 1908.
- Смирнова, С.** Покореніе сердець. Спб. 1909.
- Суворовъ, П.** Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.
- Souvoroff, P.** Question Finlandaise. Spb. 1908.
- Судопроизводство и судоустройство Финляндіи.** Изданіе комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Спб. Гос. Тип. 1901.
- Таганцевъ, Н. С.** Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1880 года и Финляндское Уголовное уложеніе. Юридич. Лѣтопись. 1881; I т.
- Федоровъ, Евг.** Подготовка финляндской революціи 1889—1905 гг. Спб. 1907.
- Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства.** Спб. 1906.
- Финляндія.** Изданіе Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1888.
- Шиловскій, П.** Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903.
- Якубовъ, К.** Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ. Гельсингфорсъ. 1889.

